

18+

Сергей Мевалдин

*Артинский ярус.
Круги
на поверхности*

Апокалипсис сегодня

Сергей Шевалдин

**Артинский ярус.
Круги на поверхности.
Апокалипсис сегодня**

«Издательские решения»

Шевалдин С.

Артинский ярус. Круги на поверхности. Апокалипсис сегодня /
С. Шевалдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515170-4

В сборнике содержатся уже публиковавшиеся ранее «Артинский ярус» и «Круги на поверхности». «Артинский ярус» — фактически пророческий роман-антиутопия, действие которого разворачивается осенью 2020 года. Новое осмысление Апокалипсиса. Жизнь после общей Погибели. «Круги на поверхности» — сборник жизнеутверждающих и очень тонких эмоциональных эссе о природе и рыбалке. Эти два произведения щедро подчеркивают мастерство уральского «партизана», хотя, казалось бы, совершенно взаимоисключают друг друга. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-515170-4

© Шевалдин С.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
В ожидании дна	7
АРТИНСКИЙ ЯРУС	8
Роман. Постапокалипсис	9
Глава 1	10
200 метров от кладбища	11
Глава 2	14
Звездная пыль	15
Глава 3	18
Утро собачьего лая	19
Глава 4	23
Начало Конца	24
Глава 5	27
Крест Отечества	28
Глава 6	32
Указания сверху	33
Глава 7	36
Лики Скорби	37
Екатеринбург	37
Октябрь, 2020г	38
Глава 8	42
Дорога в Ад	43
Глава 9	46
Беседы Судного Дня	47
Глава 10	53
БЕСПРОБУДНАЯ ТИШИНА	54
Глава 11	57
Мизантроп в Карагае	58
Глава 12	62
Нет худа без добра	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Артинский ярус. Круги на поверхности Апокалипсис сегодня

Сергей Шевалдин

© Сергей Шевалдин, 2020

ISBN 978-5-0051-5170-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается трудовому коллективу Артинского завода и создателям-организаторам легендарного Турнира косарей.

Доброй и светлой памяти другу моему Андрею Махову, безвременно ушедшему.

Благодарю за помощь в создании «Артинского яруса» Александра Шатохина, Александра Дудина, Александра Чабина, Александра Журавлева и дочь мою Александру Михайлову.

Отдельная благодарность за помощь и консультации похоронному агентству «Ангел».

Роман «Артинский ярус» – всего лишь плод творческого вымысла. Вероятные совпадения, имена-фамилии и прочие нюансы не имеют никакого отношения к реальной жизни.

Здесь все абсолютный вымысел, кроме правды. Правды жизни.

Вместо предисловия

В ожидании дна

Любая история имеет свой конец. В делах обыденных и повседневных конец каждой отдельной истории принято называть результатом. Хорошо, если речь идет о результате деятельности. Результатом бездеятельности становится заурадный финал. Это в лучшем случае. В худшем – фиаско. Конец бессмысленный и совершенно никчемный.

История человечества без всякого сомнения также будет иметь свой конец. Конец естественный и беспощадный. Подспудно и бессознательно это понимают абсолютно все. Поэтому сценарии конца человечества появились тогда, когда у человечества еще и истории не было.

Знаменитый «Апокалипсис» от Иоанна – всего лишь одна из вероятных версий. Не более, чем вполне ожидаемая и просчитываемая ситуация, изложенная на фактах, фактоидах и традициях средиземноморской людской культуры. У разных культур были другие, не менее яркие, варианты развития событий. Но все эти версии объединял конец. Без конца никакое начало не имеет смысла.

Тонкие ценители человеческой натуры утверждают, что человек не меняется. Если это так, то именно в этом странном человеческом качестве и заключен приговор человечеству. Стабильный и долгое время неизменный объект не может существовать – бессмысленность его примитивного наличия неизменно обращается в пустоту. Природа не терпит пустоты. Природа вынуждена жить. Можете называть это эволюцией, впрочем, называйте так, как хотите. Гностики, агностики и прочие диагностики могут плодить массу терминов. В любом случае это будет конец человечества.

Человечество любит спасаться. Вполне естественно, что рецепты малодушного увливания от неизбежного конца весьма популярны. Более того, непрерывно идет процесс их героизации. Сейчас, в период отчаянного постмодернизма и неистового потребительства, методика спасения становится все более материальной – индивидуальные бункеры и схроны стали реальностью и даже бизнесом. На надежде зарабатывают деньги. Впрочем, так было всегда. Человек, как оказалось, живет надеждой. Давно уже живет и привык ею жить. Пусть даже сугубо индивидуальной и меркантильной надеждой. Так ему веселее.

Надежда – это поиск счастья. Пусть даже счастья необоснованного и порою выдуманного. Человек постоянно возвращается к фантазии. Фантазия – движущая сила разума. Быть может, именно это сугубо человеческое свойство сумеет хоть как-то оттянуть, изменить или (дай Господи!) предотвратить неизбежный конец.

Как известно, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Так классики завещали. Но даже утопающие не теряют надежды. Пока не достигнут абсолютного дна. Своего дна.

«АРТИНСКИЙ ЯРУС» – всего лишь еще один из вариантов конца человечества. Или начала?

АРТИНСКИЙ ЯРУС

Роман. Постапокалипсис

280 миллионов лет назад на Землю упал астероид. Тогда не было ни часов, ни календарей, не было и тех, кому это было бы нужно. Поэтому никто точно не знает, когда и зачем падал этот астероид и как вообще все это выглядело. Известно лишь место падения – рифовое побережье теплого Пермского моря.

От могучего взрыва снесло плотные заросли гинко, в море вскипела вода, мощные волны обрушились на берег. Затем наступила зияющая тишина. Небольшой кусочек какой-то слизи упал на мясистый лист растения, и его тотчас же придавило куском плотного берегового суглинка, перемешенного с рифовым песком.

Через несколько дней в окрестностях вымерла вся живность. Вся и полностью. Лишь в море резвились моллюски – но что им, головоногим, делается? Да и другие подводные твари остались целы и невредимы: погибли лишь акулы и прочие падальщики, которые пожирали попавшие в море трупы земных обитателей. Остался ли кто-то живой на твердой поверхности – никому не известно. Потому что в те давние древние времена это никого не интересовало.

Так тихо и мирно закончился еще один земной Апокалипсис.

Глава 1

200 метров от кладбища

Артинский район. Граница Свердловской и Челябинской областей.

Август 2020 года.

Палеонтологи квартировали в мотеле с игривым названием «Разлука» у придорожной таверны «Вечный зов». Вчера исследовали вскрытые карьеры песчаника по берегу реки Уфа, да и просто поглазели на местные красоты, бегло ознакомились с легендарной деревней Комарово, основанной старообрядцами.

Били по камням тяжелыми молотками, ворочали здоровенные пласты песчаника, вздыхали о том, что до заветной горы Кашкабаш добраться практически невозможно. Потому, что непогода вхлам убила прибрежную дорогу и вязкая хлябь стала непроходимой даже для легкой, пусть и специальной прокачанной «Нивы».

Кашкабаш, по мнению палеонтологов, был потенциальной кладезью великих научных открытий и кучной залежью останков флоры и фауны «ранней перми». Легенды об этом уникальном месте сложились еще полтора века назад, когда знатный геолог Карпинский порылся в развалах песчаника, плотные куски которого использовали как точильный камень при изготовлении сельскохозяйственных кос. Работники Артинского завода пилили и кроили песчаные глыбы в специальном карьере-разработке, а знающий человек порылся и нашел много доброго и любопытного. Потому что знание – сила!

Где-то в этих же местах в старые времена нашел свою знаменитую «терку» и энтузиаст-краевед Бессонов. Пласт найденного Бессоновым песчаника затем изучил Карпинский и обозначил находку челюстью древней акулы (*1). А акулу назвал в честь первооткрывателя. Впрочем, где именно нашел Бессонов свою знаменитую челюсть точно неизвестно, поскольку имение у него было в деревне Дружино-Бардым, которая расположена в двадцати верстах от знаменитого Кашкабаша. И не исключено, что местные автохтоны попросту презентовали забавный камень барину, интересующемуся всякими разбросанными по земле глупостями.

Барин Бессонов был человеком добрым, уживчивым и покладистым, работал инспектором народных училищ, да и вообще народ уважал (в начале Первой Мировой войны отдал свое имение под приют для детей погибших на этой бойне воинов), потому презентовать сущую безделицу столь душевному человеку для любого крестьянина всегда лестно. И никакой уважающий себя краевед или прочий антиквар никогда не признается, что кто-то принес ему рухлядь, а будет настаивать на том, что разыскал вещицу самолично и упорно. Возможно, и Бессонов гордыни не чурался.

Кстати, палеонтологи специально съездили в Дружино-Бардым, попытались разыскать что-либо, относящееся к Бессонову, но выяснили, что никто в деревне о таковом не помнит, а про имение, подаренное им под приют (*2) вообще никто не знает. Был человек – и нет человека, вот только названная в его честь древнепермская акула осталась. И то хорошо.

Каменную челюсть хочется иметь всем, не только стоматологам, а прежде всего именно палеонтологам. Подобным, как у Бессонова, находкам, понятно дело, сейчас и цены нет, поскольку они абсолютно уникальны, таких «терок» штук 70 во всем мире до сих пор найдено, половина в России, остальные в Штатах и где-то на Филиппинах. И каждая – новое заковыристое слово в науке. Потому опечалились ученые люди о непроходимости Кашкабаша. Недоступные горы также манят, как и неприступные крепости. А палеонтология – всегда азарт и поиск. Рисковые и любознательные, несомненно, ребята, эти палеонтологи.

Поэтому сегодня решили двинуться в сторону села Поташка и исследовать его окрестности. А сначала побывать в дубовой роще – самой крайней на восток дубовой роще в России. Тоже уникам, да такой, что мимо не проехать.

Сергей подъехал к «Вечному зову» поутрае, Светлана и Михаил уже ждали на подступах и были готовы к очередному камнедробильному дню. По пути пришлось блеснуть знанием окрестностей и обстоятельств:

– А вот село Старые Арти – в деревне три улицы, длина села 12 километров, все постройки вдоль старинного тракта на Касли-Кусу-Златоуст. Здесь с трудом выживает местный совхоз, но коров, слава Богу, пока еще содержит и пытается даже правильную технологию на фермы завести. За это недавно и штрафнули директора на кругленькую сумму – неправильно за что-то перед властями отчитался. А налоговикам нужны жертвы и «галочки», иначе сомнения возникнут в необходимости их существования...

– Здесь была деревня Мочище. Следов от той деревни не осталось. Кстати, дубовая роща, куда мы сейчас едем, также у деревни с аналогичной судьбой расположена – Мошкаррой та деревня называлась. Нет той деревни. А вот здесь деревня Сенная. И здесь кончается асфальт – потому что в Сенной у местного мэра дача.

Вот так, с шутками и прибаутками по разухабистому грунтовому старинному тракту добрались и до границы с Челябинской областью. И поглазели на дубы. Дубы, конечно, не особо могучие, отнюдь не те, под которыми, как описывают графья Толстые и сказители Бояны, любили лежать русские князья и всякие богатыри, а простые, уральские черешчатые. Растут дубы, кидают желуди, поросль юную пускают (*3). Полежать, конечно, и под этими дубами можно, но для такого разнузданного сибаритства времени не было – ждали великие открытия и прочие научные свершения. Решили прежде Поташки сразу ехать в село Сухановка – именно там, по тайным палеонтологическим слухам, гудились и таились заветные окаменелости.

Проезжая через деревню Черкасовку, Сергей кроваво и красочно описал главную достопримечательность этого поселения: буквально годиков пять назад бывший начальник фермы бодро пострелял из ружья местных теток, а затем безнаказанно ушел в лесу, где и след его простыл. А вина этих теток, как читает народ, была в том, что они втравили мужика в дело о модной тогда педофилии, обвинив в домогательстве до несовершеннолетних местных красавиц, явно желая отжать у заведующего фермой немалые по их меркам деньги. И мужик, отсидев небольшой срок, но по очень обидной статье, вышел, немного подождал, да и решил отомстить злопыхательницам. Что стало с мужиком – до сих пор неизвестно, или сам застрелился, или в лесу до сих пор бродит, или сбежал в ближнее забугорье.

В Сухановке повезло – в центре села вокруг бортовой «газели» толкалась публика с огромными мешками: очень дешево, чуть ли вообще не «задарма», с машины продавали бракованный плесневелый хлеб, который и на корм скоту хорош, да и сухари впрок насушить можно. Повезло, потому что сейчас можно по иной деревне проехать и живой души не встретить: селяне или в огородах ковыряются, или по телевизору скандалы разглядывают. Так, к примеру, в Дружино-Бардыме было. Пришлось тогда в ворота стучать и людей беспокоить.

Спросили глуховатого дедка, который приехал за плесневелыми булками на мотоблоке с прицепом, насчет ближайшего местечка, где камень добывают. Дедок долго пытал на предмет того, «а камень на баню или к дому на фундамент?», а потом указал дорогу на кладбище. Там, дескать, рядом, чуток вправо только сверните, метров двести. И, вообще, не мешайте, а то еще вот прикупить хлеба надо – скотину для деток держим, а кормить-то нечем, комбикорм нынче дорог, на пенсию, которая хрен да нихера, не укупишь.

Как и полагается на деревенской дороге, если сказано «на кладбище», так на кладбище колдобистый путь и привел. На тихом сельском погосте три мужчины и две женщины роились вокруг свежeverкопанной могилки, «матушка померла, сегодня девять ден справляем». Они-то и подсказали, как можно подъехать в столь потаенному карьерчику. Путь к карьере шел через яростные лужи и ухабы – ездили туда явно только на тракторе. Но до заветного места все же добрались.

К выходу песчаника шли грозно, сжимая в руках молотки, а Сергей нес ломик с «бронштейном» – насаженным на мощное топорщице кайлом, названным столь звучно в честь Льва Давыдовича Троцкого, революционного демона. И демоническое орудие труда потребовалось почти сразу – пласты песчаника были буквально усеяны россыпью окаменевших семечек гинко, забавных таких, похожих на маленькие черные сердечки.

– Гинко – это растение, похожее на пальму, сейчас сохранилось только в Китае, – сообщила Светлана, бодро смахивая пыль с щедрой находки.

– В Китае, сейчас, похоже, все, что можно сохранилось, особенно производство, – продолжил тему Сергей, выворачивая очередной пласт.

– Осторожнее! – одернула его Светлана, – Похоже, нам крепко повезло.

На камне ярко и явственно проглядывался широкий развернутый лист растения.

– Вот это и есть то самое гинко, отлично фрагмент сохранился, – Светлана очистила камень перчаткой и прищурилась, разглядывая песчаную глыбу.

– Да такой вот листочек окупит всю нашу экспедицию, уже не зря съездили, этот камешек любую экспозицию украсит, – приободрилась она.

Сергей с Михаилом оттянули тяжеленную каменюку в сторону.

– Здоровенная, зараза, пуда три весит, – оценил ее Сергей. – И вот такую хренотень целиком нужно в экспозицию вставлять, или можно фрагментарно, кусочками, по частям?

– Лучше, конечно, лишнее отбить, да еще, кстати, и посмотреть, что внутри этого камешка, и это тоже очень интересно, – Светлана откровенно радовалась и даже восхищалась «каменному гостю», добытому даже не из глубины веков, а из толщины эпох и эр.

Михаил попробовал отколоть хоть что-нибудь лишнее от глыбы ломом, а Сергей попытал счастье «бронштейном».

– Да, явно не Лейба Давыдыч, куда как крепче и живучей экземплярчик попался, так просто не возьмешь, – сказал Михаил. – Ну, и что делать с этим счастьем будем?

– Да и думать нечего – в багажник «Нивы» упакуем, места хватит, а я дома во дворе спокойно все излишки с него «болгаркой» отпилю, – решил Сергей. – Ты, главное, Света, отчеркни на каменюке место распила, чтоб случайно вещь не попортить.

*1 – речь идет о геликоприоне – вымершей хрящевой рыбе каменноугольного и пермского периода. Горный инженер, геолог, палеонтолог и академик А. П. Карпинский описал ее в 1899 году. Основой для описания послужила так называемая зубная спираль, найденная на территории нынешнего Артинского района в 1897 году краеведом А. Г. Бессоновым. Бессонов направил находку Карпинскому. На основании строения зубов Карпинский отнес найденное образование к акулородным палеозойским рыбам.

*2 – согласно докладу №4 Думы Земства г. Красноуфимска «О пожертвовании бывшим инспектором народных училищ Красноуфимского уезда Александром Григорьевичем Бессоновым принадлежащего ему имения в селе Дружино-Бардым для устройства приюта детей воинов, павших в войну 1914—1915 годов» имение состояло из 25 десятин земли под березовой рощей, 25 десятин земли под прудом, 8 десятин луговой земли, 4 десятины земли пахотной, каменной мельницы с плотиной, жилого дома, крытого железом, площадью в 36 квадратных сажени, недостроенного дома в березовой роще, крытого железом и площадью в 22 квадратных сажени, хозяйственных построек – помельная изба, зерносушилка, каретник и кладовка. Имение оценивалось в 20011 рублей. За столь редкое по тем временам пожертвование Земство выразило А. Г. Бессонову глубокую благодарность, предложило назвать приют его именем и поместить в приюте портрет жертвователя. Земство также ходатайствовало о представлении дарителя к Высочайшей награде.

*3 – реликтовая дубовая роща у сел Поташка и Березовка самый восточный ареал распространения дуба черешчатого.

Глава 2

Звездная пыль

*Екатеринбург – Москва
Сентябрь 2020 г.*

– Ну и как я это переправлю? Разве что кто-то когда-то в Москву полетит, да соизволит к тебе в Химки заехать или какой другой невероятной попутной лошадейкой получится, – пыталась Светлана академика. – Вообще я не знаю, что это такое, да и нужно ли это кому-нибудь, но хотелось бы понять. А чтоб понять – нужно исследовать. У нас нет базы...

– А у нас как раз есть все возможности: изучим, оценим, взвесим! – заявил собеседник. – Почта – это надежно. Надеюсь – твой вклад в науку не оценим! Жду, драгоценная одноклассница!

Академик Иван Треухов два дня назад вышел в отпуск, тотчас же выехал из Москвы и сейчас отдыхал-оттягивался на дачке – в небольшом трехэтажном домике с участком, оставшемся ему в память от недавно почившей тетушки. Возвращаться в Москву ни под каким даже самым наиважнейшим предлогом он не хотел как минимум в течение ближайшего месяца, но посылку от Светланы возмечтал получить немедленно.

Неделю назад Светлана дождалась наконец-то камней, собранных на Артинском ярусе. Потенциальное пополнение для коллекции областного музея природы доставил начальник службы музейной охраны, вернувшись с плановой инспекции районных музеев. Светлана распаковала доставленные им экземпляры и сразу же занялась песчаником с окаменевшим гинко.

С камнями было все в порядке. Сергей, как и обещал, отпилил от здоровенной каменюки кусок, куда так удачно крупный лист гинко впечатался, за что его Светлана бодро поблагодарила по электронной почте. А по месту распила камня было заметно, что под древним листом находится какое-то дополнительное камнеобразование, с которым Светлане пришлось спустя три дня «поколдовать» самостоятельно.

Препарировала удачно – развалила камень весьма осторожно, оставив в абсолютной сохранности каменный листок, явный кандидат на украшение экспозиции Пермского периода. А под листком обнаружила пустотку, небольшую, величиной с детский кулачок. Но оказалась та пустотка не совсем пустая – набралась из нее столовая ложка какой-то черноватой пыльцы. Эту пыльцу Светлана назвала субстанцией и упаковала в полиэтиленовый пакетик. Исследовать содержимое самостоятельно она не могла – ну какие могут быть возможности в скромной музейной лаборатории? Разве что взвесить... О чем и сообщила Треухову, являвшемуся как бы руководителем Уральской палеонтологической экспедиции. По крайней мере, таковым он значился в московских документах и зарплатных ведомостях.

Академик Треухов беседовал как-то излишне жеманно и кобенясь, но радостно сообщил Светлане, что ждет эту субстанцию с огромным нетерпением. И готов заняться исследованием прямо сейчас. Немудрено – находка его очень заинтересовала. Исследование субстанции, обнаруженной подчиненными, грозило ему как минимум созданием очередной публикации, а то и весомым дополнением к монографии. Солидному ученому свежие гипотезы всегда ко двору, тем более те, что сами в руки идут из каких-то там недр уральских гор. Особенно, если давно никаких достижений не имелось.

Но покидать уютную дачу в расцвете бабьего лета ему очень не хотелось – они с другом специально оговорили, что проведут этот месяц в спокойной сельской тиши, без изысков цивилизаций и в полном отрыве от мегаполиса, без всяких Кипров и Испаний. Невзирая ни на что! И никакой каменный прах в этот глубоко доверительный договор не вписывался. Тем более, что друг был бесконечно далек от палеонтологии.

– Но знаешь, – сказал он Светлане, – было бы лучше, если бы ты выслала мне эту смесь, или что еще там, в бандерольке, в обыкновенной почтовой бандерольке по адресу, который я сейчас тебе перешлю. У меня здесь есть все возможности провести исследования и анализ, не отрываясь от отдыха, так сказать. Надеюсь, это тебя не затруднит. Буду очень признателен! Очень жду! Отправишь – телефонируй!

Было бы, конечно, логичней, чтоб эта деятельная уральская дамочка переслала свою находку на адрес академии, но кто его знает, в чьи руки это хозяйство может попасть, враги не дремлют, да и любые лишние уши – это атавизм, – подумал академик и сбросил Светлане сообщение с адресом своей дачи. – Так будет проще и надежней, мы не ищем легких путей в наших изысканиях!

Треухов опустил телефон в карман пушистого халата и, повернувшись к другу, блаженно произнес: – Аки пчела тружусь ради науки! Идем, душа моя, в наш сад и будем слушать листопад! Налей себе немного смузи!

Светлана же, бросив телефон на стол, виртуозно выругалась, – Треухов был ее однокурсником, талантами особо не блистал, огоньками в глазах не сверкал, но папа его был со связями, которые решают все, даже сегодня. Вот потому сегодня, подумала она, он академик, а она – старший научный сотрудник на побегушках. После чего распечатала химкинский адрес Треухова на коварно верещащем принтере, попрочнее упаковала пакетик со злополучной субстанцией, выпила дежурную чашечку растворимого три в одном кофе, выкурила сигарету, сплюнула в урну и отправилась на центральный почтамт, чтоб переправить, быть может, уникальную находку в Москву.

«Почта России», как и положено, порадовала очередью и бестолковицей. Оператор заявила, что самая малая бандероль должна быть 17X10 сантиметров и не меньше двухсот граммов. Потому не надо задерживать очередь. Светлана тут же купила какой-то аляповатый блокнот, вложила в него пакет и передала на упаковку. Но не тут-то было – ей сообщили, что не хватает двадцати граммов. Светлана порылась в сумочке и добыла из кармашка с неприкосновенным служебным запасом пять пакетиков кофе 3 в 1. Ничего иного подходящего не обнаружилось. Хотя и жаль было отправлять кофейный припас руководящему однокашнику-академику, но чтобы больше почтовыми услугами не заморачиваться, Светлана вставила свой НЗ в свежкупленный блокнот.

Оператор яростно сообщила, что вес, необходимый для отправки бандерольки, набран. Злобно кривясь душой и дерзко негодуя кромками губ, Светлана принялась заполнять сопроводительные к заказной бандерольке бумажки. В итоге весь процесс общения с «Почтой России» занял полтора часа. Выйдя из почтамта, Светлана, жмурясь от осеннего солнышка, спустилась по ступенькам, обошла памятник Попову, присела на лавочку и наконец-то закурила. Набрала сообщение и пискнула телефоном. Чувства выполненного долга не ощущалось. Ничего не ощущалось.

Через неделю бандеролька прибыла в Москву. После сортировки ее сгрудили в огромную кучу с отправлениями из Китая, следующими в Химки. И эту кучу начали перебрасывать в фургон почтовой «газели». До фургона она не долетела и шмякнулась на мокрый асфальт. А суровый башмак на ноге грузчика втоптал бандерольку в лужу. После того, как «газель» уехала в Химки, раздавленную бандерольку пнул почтовый охранник.

– Смотри-ка, люди совсем охренели и кофе друг другу по почте пересылают. Лучше бы деньгами, да на карточку, – сказал он вышедшей на крыльцо служащей. – А еще бы лучше, чтоб деньги в конверте, в вот этом самом. А не какие-то идиотские бумажонки-пакетики, – он растряхнул разорванную бандероль, вытащил из нее блокнот, наскоро пролистав и убедившись в его девственной чистоте, сунул в карман, а все остальное высыпал в лужу. Звездная пыль из Артинского яруса, смесь из разорванных пакетиков с фальсифицированным кофе, до упора начиненная пальмовым маслом (*4) и сахаром, растворились в московской грязи.

Академик Треухов в дачных хлопотах и развлечениях уже забыл о посылке с Урала. Звонок Светланы заставил его поставить на журнальный зеркальный столик хрустальный бокал мохито.

– Что? Нет, пока еще не пришло, ничего не пришло. Да ты не беспокойся, я каждый день на почту езжу и проверяю, – сообщил он. – Да и нескоро, вероятно, придет – это же «Почта России». Сообщу.

Светлана отключила телефон и нецензурно выразилась. Очень точно и нецензурно.

А в грязной луже на московском асфальте уже кипела новая жизнь. Ей нравилось это место.

*4 – пальмовое масло активно используется для изготовления пищевых фальсификатов и других предметов, напоминающих еду. Используется также в технических целях. И очень активно – в 2018 году Россия закупила более миллиона тонн пальмового масла.

Глава 3

Утро собачьего лая

*Свердловская область, райцентр Арти.
Сентябрь 2020 г.*

В утренних сумерках, как в конце сентября и полагается, было моросно и прохладно.

Сергей смачно и звонко поссал с крыльца – в деревне нужно жить по-деревенски сурово и не заморачиваться приبلудными этиками и эстетиками. Такое правило он вывел для себя лет этак десять назад, когда различные жизненные коллизии вынудили его вернуться на историческую родину, поближе к родной земле.

А родная земля ему всегда нравилась – место уникальное и благодатное. Прекрасная природа, дом на опушке великолепной березовой рощи и тишина. Хотя сегодня ночью тишина хрустнула жутким воем собак: дело-то как бы обычное, но сегодня вышли уж слишком азартно. И хотя, например, отчаянный утренний крик соседских петухов Сергея давно уже не беспокоил и был на уровне естественного звукового фона, но нынешний собачий вой достал. Тем более, что лабрадор Марик (он же Марат, он же Марко – в зависимости от всплесков душевности) среди ночи потребовал выпустить его во двор и напористо принял участие в животном концерте.

Сейчас этот баловень судьбы спал на веранде. Явно с чувством выполненного им собачьего долга. – Home, Sweet home (*5), – как говорят пиндосы, I liking every good night sleep (*6), как вторит им сэр Пол Маккартни – пробормотал, глянув на разомлевшего и офигевшего от утреннего воя пса, Сергей и двинулся бриться-мордозубья чистить. Потому что цивилизация того требовала.

Арти, несмотря ни на что, был поселком цивилизованным. Пусть и на уровне особо захватской маргинальности. Но в тоже время отличался и своеобразной кондовостью с порой оглушительной посконностью в нравах. Так сложилось по-уральски и исторически: территория Артинского района с момента освоения Урала была крайне замкнутой. Сказывалось отсутствие коммуникаций – до Красноуфимска 40 верст бездорожья, до Михайловска – 20 верст лесной дороги, до Екатеринбурга – три дня конного пути. Общаться местному люду приходилось внутри обжитых мест, то есть – население «варилось» в одном котле. А еще накладывались особенности вероисповедания.

Население Артинского района изначально открытостью не отличалось – были крепки старообрядческие традиции. Села Пристань и Сажино были оплотом «древлего благочестия». Пусть с разного толка, но один хрен единоверцы, потому за три века старообрядческие семьи перероднились. А еще и скрывались здесь потаенные и даже откровенные язычники – местные мари, которые формально приняли лет двести назад православие, но сохранили языческие традиции и продолжают до сих пор молиться и камлать в честь Великого Белого Бога.

Представители мари также роднились промеж собой, порой не выходя из деревни. И жили относительно замкнуто – бытовал, к примеру, у них до сих пор практикуемый мариинский обычай «сбегать замуж», откровенно матриархальные отношения. И если у православных и старообрядцев родство внимательно отслеживали священнослужители, то блажь мариинских дам учету не поддавалась. Немудрено, что облик артинских, уральских мари сейчас существенно отличается от внешнего вида населения Марий Эл – горных и луговых мари.

Не хватало разве что легендарной чуди белоглазой. В любом случае, случился этакий внутрирайонный междусобойчик. К XX веку население Артинского района было опутано родственными связями. Большевистский режим еще больше породнил артинцев. Народ сгонялся в колхозы без права передвижения. Во время Второй Мировой войны убили много мужчин,

потому приходилось сближаться на оставшемся «человеческом ресурсе». Поскольку времена были несытные, то практика кумовства и перекрестного родства была выгодной – межсемейное имущество объединялось, родственники жили в условиях родовой «помощи». Следовательно – уже грянувший инцест усугублялся. И такой долгий кровосмесительный процесс, как думается, стал причиной пусть дальнего, но перекрестного кровосмешения. Ну, а в нынешнем столетии из-за краха сельского хозяйства и развала производства изоляция Артинского района продолжается, молодежь покидает территорию и возвращаться не стремится.

Сергей увез Милую на работу, на знаменитый завод, Родину Русской косы, и двинулся в попутное сельпо, чтоб прикупить булочку хлеба. И хотя только что «пропел гудок заводской» – начало рабочего дня, 08—00, в поселке традиционно помечалось гулкой сиреной – и магазинчик только что открылся, тут уже суетились старушки. Складировали в магазинные корзинки сахар-соль-крупы и другую здоровую пищу. Обсуждали при этом какие-то международные делишки. Поскольку старушки всю жизнь готовились к войне, то Сергей деликатно обошел их и проник к кассе, вытянув из кармана мелочь. Хлеб был свежим и явно вкусным. Хотя с явными добавками разрыхлителя теста. Как всегда. Чисто бизнес и никакого интима.

Загнал «Ниву» в гараж, чтоб глаза не мозолила, решил, что для начала с утраца пора бы и самому попробовать поработать. Хотя нет аванса – нет работы, аванс – лучшее обещание, а без денег только певчих птичек развлекают. Но потребность прошерстить новости давно уже на уровне инстинкта. Такова жизнь пейзажная.

В интернете творилось что-то странное – мало того, что информационные ленты залил сплошной поток сообщений об авариях, мелких катастрофах и повальных зарубежных терактах с использованием большегрузной автотехники, так даже случилось невероятное – на необозначенное время отменена какая-то очередная президентская инаугурация. И отменился некоронированный еще президент какой-то важной страны, отнюдь не Зимбабве. Этой новостью были пропитаны все соцсети. Потому что якобы такого быть не могло, мужик яро к власти рвался. Однако случилось.

Аналитики из соцсетей уверенно рапортовали, что неожиданный всплеск аварийности и всеобщего травматизма напрямую связан с задержкой забугорной коронации. И даже проецировали все это на Россию. Пророчили крах валют, оттого всякие коллапсы и кризисы. Дескать – силовики и спецслужбы уже отрабатывают заказ, а потом сначала введут чрезвычайное положение, а затем и до диктатуры недалеко. Вместо президента появится монарх-диктатор. Который и спасет державу. Предполагали, что Чрезвычайное Положение, прежде всего, введут в Москве, а лишь потом по всей стране. Эксперты были воробьями стреляными и умели зреть в корень.

Впрочем, судя по лентам новостей, аварии шли как во всем мире, так и в России. Не только в утрамбованной автотехнике Москве, а повсеместно – в Татарстане горели дома престарелых и приюты, в Перми автобусы теряли управление и перевертывались, поезд Москва – Пекин сошел с рельс, на Ямале горели буровые, а на Камчатке падали самолеты. И еще интернет кипел сообщениями о скоропостижных смертях известных людей. Упоминались и люди малоизвестные, а также совсем неизвестные. Они умирали в больницах. Родным и близким покойных соболезновали.

Сергей вышел в столовую, забил трубку табачком, включил на кухне чайник, а попутно щелкнул пультом телевизора. На главном официальном канале шла, как обычно, пропаганда медицины и тетка в маске требовала, чтобы все нацепили марлевые повязки, у кого их под рукой нет, то обычные шарфы, и немедленно шли в больницу делать прививки от гриппа. Потому что грипп свирепствует. Публика в студии поголовно заседала в марлевых намордниках.

– Опять вакцинами торгуют, – вздохнул Сергей, заварил чая покруче и раскурил трубку. В этом году солнышко на Урале особо не баловало, табак, хоть и вырос неплохо, но былой кре-

пости в нем не чувствовалось. И потому приходилось мешать доморощенное зелье с покупной махорочкой. Получилось душисто, ароматно и ядрено. Табачок вкусно прокатился по гортани. Аж запершило.

– Вот такое простое наше селянское счастье, – буркнул Сергей и налил чашку крепенького «купчика». К добротному заваренному чаю он пристрастился давненько, еще когда служил на флоте и бодрился чайком с папиросочками на вахте в радиорубке. Курить, конечно, на боевом посту отнюдь не приветствовалось, но на постоянно включенных передатчиках стояли столь мощные вентиляторы, что у командования претензий насчет курения и возникнуть не могло. Была бы связь, желательно – бесперебойно, а прочие пагубные пристрастия – пофиг.

Кстати, насчет связи – Сергей вытянул из кармана телефон и набрал Милую.

– Тут всех пандемией гриппозной пугают, а ты недавно прививку поставила. От этих прививок все беды. Как самочувствие?

– Нормально, работаю, вот ты бы тоже съездил и укололся, а то что-то серьезно уж очень в телевизоре грозят, – потребовала она.

– Так у меня маски нет, а без маски сейчас ни в какую больницу не допустят, – пошутил Сергей.

– Арафаткой замотайся, – парировала Милая.

– Тогда вообще по пути расстреляют, – заржал Сергей, представив, как сотня-другая мужиков, замотавшись шемахами и куфиями, ринется в больницу и нагонит страху на окрестных полицейских. – Примут же за террориста, собаки! У гайцов волосы, если где есть, то дыбом встанут. Наша страна – многолетний оплот борьбы с терроризмом!

– Вот не прикалывайся, а езжай и ставь вакцину. Дело-то серьезно – на заводе рассказывают, что врачиха в больнице молодая умерла. Как раз от гриппа. Вечером ей плохо стало, ничего сделать не могли. Тридцати лет не было. Полгода назад в Арти приехала, из-за квартиры, ей якобы пообещали, одна с ребенком жила, окулист, – сообщила Милая. – Потому с прививкой не тни, они, говорят, пока бесплатно колют...

– Ладно, сейчас песика выгуляю и съезжу. Быть может. Хотя лук-чеснок да сало с самогоном понадежней, я считаю...

В свои три года лабрадор Марко нагулял вес в три чистых пуда, а потому резвости ему занимать не приходится – как только услышал знакомое «гулять», тотчас же встрепенулся и взъерился всем своим роскошным телом. Встал буквально над душой, пока Сергей зашнуровывал берцы и надевал куртку. Подставил шею под ошейник – а какой забугорный пес не любит русского леса? Со двора вышли на поводке, чутки отошли в сторону леса и Сергей отстегнул вертлюжок. Марат, бодренько привизвизгнув, кинулся в березовую рощу.

Обычно прогулка по лесу с песиком длилась час-полтора, но это если телефон не начинал разрываться и народ скоропостижными делами не заваливал. За это время Сергей проходил километров пять, как раз «на выкурить одну трубку», а Марко наматывал не менее пятнадцати верст, прочесывая окрестности в радиусе видимости – хозяина из виду старательно не терял. Бдил за Сергеем глубоко преданным взглядом. Вот и сейчас пытливо изучал периметр. Попутно, конечно, ставил метки. И не только.

Призвал телефон. Coz I love you (*8). Опять Милая:

– Можешь не ехать, говорят, что вакцина кончилась. Дотянул. А кошмар творится – в заводоуправлении мужик помер, заказчик какой-то. Упал на втором этаже и ... «Скорой» до сих пор нет. А очоленел уже. Что делать – никто не знает. Сегодня вот только утром приехал и по этажам с бумажками как олень скакал. Народ в шоке – перезаразил, наверное, всех... Забери меня отсюда!!! Мне страшно!!!

– Сейчас приеду, вот только из лесу выйду...

Выезжаю из своего лесного окоема, Сергей увидел, что метров в трехстах на асфальте (в Артях, как всем известно, лишь две асфальтированные улицы) дорогу перегородила перевернутая фура. Вокруг нее сустились гаишники.

Про

– Домой! Валим домой!

*5 – Home, Sweet home – Дом, милый дом (англ.)

*6 -I liking every good night sleep. – Искаженный на провинциальном уральско-английский манер вариант строки I gonna get me a good night's sleep из песни Heart of the country из альбома **Ram** (1971г.) сэра Пола Маккартни.

*7 – Coz I love you – заглавная песня в выпущенном для Франции и Германии альбоме «**Play It Loud**» группы Slade, популярной в 70-е годы прошлого столетия. В данном случае речь идет о телефонном рингтоне.

Глава 4

Начало Конца

*Свердловская область, райцентр Арти
Октябрь 2020 г.*

Трупы в морге прибывали. Свободных мест не было. Единственный артинский патологоанатом уехал на отдых в Турцию и сейчас до него никто не мог дозвониться. Мертвецов для вскрытия полагалось везти в Красноуфимск, но транспорта не было – «скорые» были заняты огромным количеством неотложных вызовов: слишком многие после просмотра ТВ-новостей хватались за сердце.

Телевизор убивал – если еще пару дней назад всех шокировала смерть ведущей в прямом утреннем эфире, то сейчас картинки шли одна ужаснее другой, как в пресловутых «Ликах смерти». От массовой гибели тысяч китов в Атлантике до самосожжения трех сотен фанатов-католиков в соборе Кельна. В Европе вымирили лагеря беженцев, а в городах США полыхали восстания негров. Негры – а если точнее, афроамериканцы, – ничего не требовали, но стреляли во все, что двигалось или уже не двигалось.

Аэропорты всего мира были закрыты в связи с повсеместным карантином – в едином порыве власти всех стран боролись с пандемией гриппа. Медицинские светила рассказывали о новой мутации вируса, но придумать вакцину против него пока не успели. Запад ничего не мог противопоставить надвигающейся катастрофе. Потому что был разобщен, изнежен и толерантен.

В России же, как сообщал телевизор, все было относительно благополучно, хотя и тревожно. Российские эксперты предполагали масштабную диверсию с использованием биологического оружия. Врагов не называли, но в передачах, где постоянно спорили насчет того, кто хуже, Украина или США, вероятного противника обозначали четко. Настолько четко, что несколько участников этих передач умерло во время своих пламенных выступлений, хотя и были одеты в марлевые маски. Ведущие этих передач скорбили и переживали, похоже, настолько глубоко, что их приходилось постоянно менять: прежние властители ток-шоу исчезали с экранов, вместо их появлялись новые разжигатели дум. Какие-то встревоженные и помятые.

В перерывах между ток-шоу демонстрировались старые советские кинокомедии и выступления сатириков. И вот это очень волновало пожилых артинских телезрителей – они еще помнили времена, когда с экранов звучало «Лебединое озеро» вперемешку с одноименным балетом и прочей чайковщиной. При слове «балет» телезрители вздрагивали. Даже когда дикторы сообщали о подтанцовке Киркорова. Представители власти выступали с заявлениями в ООН, но ситуацию в России никто не комментировал. Судьбоносных заявлений не звучало. Лишь комики неустанно шутили.

Все это вызвало небывалый потребительский бум и обвальная ажиотаж: в артинских магазинах в течение недели покупатели смели буквально все, даже томатную пасту и маринованные огурцы. На это потребовалось всего лишь полтора дня. Опоздавших покупателей радовали голые полки и витрины. Аптеки опустели – были скуплено все, вплоть до презервативов. Остались лишь грелки, клизмы и костыли. На АЗС, пока не кончилось топливо, горючее заливалось по схеме «полный бак + все канистры». После того, как товары иссякли, все начали ждать новых поступлений.

Особо напряженно пришлось работать гаишникам – на федеральной трассе за неделю произошло более сотни серьезных ДТП. Как правило, водители умирали прямо за рулем

и «не справлялись с управлением». Полсотни опрокинувшихся фур пришлось не только вытаскивать тракторами, но и буксировать к Артям, где на широкой поляне срочно оборудовали штрафстоянку. Пытались даже обеспечить охрану опрокинувшихся авто и перевозимых в них грузов, но довольно бессистемно. «Газельку» от «Красного-Белого», разбившуюся на въезде в поселок, например, некие злоумышленники обчистили полностью. Впрочем, никто не осуждал и гаишников, которые к этому явно руки приложили.

Гаишникам сочувствовали – столь трагично и фантазмагорично они выглядели. Для того, чтобы увезти с трассы трупы пострадавших, да и при осмотре мест происшествия, гаишники использовали противогазы ИП-45 (*8). Грузовичок, на котором погибших транспортировали в морг, сейчас опознавали все артинцы и называли его труповозкой.

Гаишники завидовали бойцам ППС – те работали буквально в тепличных условиях и охраняли сначала только Сбербанк, а затем и банкоматы. У банкоматов, пока не заканчивались деньги, очереди стояли днем и ночью. Их приходилось регулировать. Патрулировался только центр поселка, а на сигналы о кухонных боях никто уже не выезжал – как ни странно, но соседи быстро научились самостоятельно умирять особо буйных. Кражи личного имущества фактически прекратились, но начались набеги на склады предприятий. Тащили все.

Завод прекратил работу в связи непонятной ситуацией. Потенциальные заказчики и давние партнеры, если и отвечали на звонки, то вяло и неуверенно. Поэтому было решено выполнить имеющиеся заказы и после этого производство остановить. Тем более, что в банковских расчетах возникли неожиданные сбои.

В селе Старые Арти, вернее на ферме в деревне Сенная, погибло двести голов элитных коровушек, специально и задорого завезенных этим летом для улучшения породы и повышения удоев в будущем. Все коровы пали в одночасье, за одну ночь. Ветеринары не могли обозначить причину. Руководство сельхозпредприятия ждало, когда нагрянут комиссии, представители кредиторов и следователи, и заранее посыпало пеплом голову из переполненных «райкомовских» пепельниц, готовясь к грядущему показательному расстрелу.

Все артинские кафе и даже преуспевающий трактир «Вечный зов» прекратили работу – неведомо, что за зараза гуляет. Частники затихарились. Даже процветающий в последние несколько лет местный ритуальный бизнес остановился – «клиентов» было предостаточно, но у родственников «клиентов» не было необходимых документов. Ясно было лишь одно – скоро гробы подорожают.

В больнице не было свободных койкомест, а поликлиника переполнена под завязку. Сдать анализы желали сотни, и эти сотни заполняли коридоры, держа в руках пластиковые стаканчики с мочой. А еще все хотели флюорографию. Или рентген.

Школы и детсады также закрыли на карантин. Но бюджетные предприятия, которых в Артях было несколько десятков, усердно продолжали трудиться. Занимались благоустройством территории – на это дело в местном бюджете вдруг появились деньги, и потому их нужно было срочно освоить. Велся даже ямочный ремонт, и в продавленные за лето колдобины засыпался щебень, а то и асфальт.

Депутаты районной Думы обсуждали проект бюджета 2021 года, хотя главы администрации на территории не было: мэр уехал на отдых в Таиланд и, недавно, отзвонившись по телефону, обещал очень скоро вернуться. Несмотря на отсутствие руководителя, сотрудники администрации, невзирая на сложности обстановки, неутомимо работали. Управление по коммуналке собирало последние отчеты о подготовке к зиме, управление культуры готовилось к празднику народного единства, а управление народного образования пыталось решить неожиданно возникшую проблему – подведомственные учреждения на карантине, а предприятие, получившее подряд на снабжение школьных столовых, продолжает исправно поставлять, согласно контракту, продукты детского питания. Хранить их уже было негде. Попутно обсуж-

дали вопрос распределения профсоюзных путевок на курорты: всем вдруг захотелось подлечиться.

Отделение Пенсионного фонда пыталось выяснить сроки очередного транша – пожилой люд настойчиво беспокоился. А в ЗАГСе сотрудницы были в шоке – они не могли выдать свидетельства о смерти так как медицинских справок о летальном исходе медики выдать также не могли. Потому что морг функционировал только на хранение.

Бюджетники ждали зарплаты, а также указаний сверху. Команд и разъяснений от вышестоящих структур не поступало. Поначалу приходили обещания «все решить» и «скоро ответить», но очень скоро, даже слишком скоро, было обещано «сообщим дополнительно при полном анализе ситуации на территории области». Анализ затягивался.

Поэтому муниципальные управленцы терпеливо ждали, но иногда все же предпринимали робкие попытки узнать что-нибудь по своим личным каналам. Но каналы перестали отвечать.

Так прошла первая неделя октября. А после этого прекратил работать телевизор и умолкла сотовая связь. В интернете тоже наступила вязкая тишина...

*8 – противогаз ИП-45. Легкий изолирующий противогаз, средство защиты и спасения. Применяется также при легководолазных работах на глубине не более 7 метров. При использования регенеративного патрона РП-5 при средних физических нагрузках время использования не более 75 минут.

Глава 5

Крест Отечества

*Москва – Домодедово – Казань
Октябрь 2020 г.*

Москва умирала пышно. В хронических пробках, в метро, в многоэтажках и пожарах. Люди падали и больше никогда не вставали. Тела выпадали из остановившихся автомобилей, чтобы сразу же хрустнуть под колесами других, объезжающих возникший затор. Сначала кто-то пытался кому-то помочь, но вскоре гуманность закончилась. Живые пытались выжить. Вопреки всему.

Но не получалось – умирали все, неотвратно и безысходно. Умирали на улицах, площадях, проспектах, в кафе-ресторанах, в офисах и поквартирно. Умирали в чужих подъездах, пытаясь сбежать от гибели и требуя хоть какой-то поддержки. Умирали на Красной площади, куда двинулись огромной стихийной толпой по чьему-то дурному призыву, умоляя о немедленной помощи. Там и остались. Умирали везде.

В столице закипела абсолютно потусторонняя механическая движуха. Оставшаяся без хозяев техника свирепствовала и плевалась выхлопными газами. Надрывались сигналки, клаксоны и сирены. Истошному вою умирающих авто, словно злобные литавры, хрипло и гулко вторили скрежеты, хлопки, и взрывы. Заплясало пламя. Локальные возгорания постепенно слились в сплошной огненный вал, поощряемый мощными потоками резвящейся турбулентности. Столицу пожирал ад.

Андрей сначала хотел застрелиться – семь стволов он специально собрал на трупах полисменов. Но решил все же сперва похоронить свою семью: если все вокруг умерли, то пусть хотя бы близкие ему люди будут упокоены по-человечески. Сходил, абсолютно цинично перешагивая через трупы, в ближайший магазин – чуть ли не последний «шаговой доступности», устоявший в окрестностях, зашел на хоздвор, размахисто пнул ногой дверь какой-то подсобки и выбрал из завала дворнического инструмента еще блестящую штыковую лопату.

Добротная лопата, привезенная месяц назад из родимых Артей, лежала на балконе – до дачи она так и не доехала, потому что сезон закончился, но подниматься в квартиру, где лежали тела родных, Андрей не хотел. Вернее – не мог. Потому что мог уже и не выдержать. Дела нужно закончить.

Место для могилы он выбрал на газоне, под окнами дома. Ткнул лопатой в жесткий дерн, но полотно враз согнулось – такой лопатой только дерьмо разгребать. Вспомнил, что в квартале от дома недавно видел какой-то кетайский мини-экскаватор – коммунальщики хотели поставить очередную водопроводную заплату. Двинулся в ту сторону – землеройная микротехника была на том же месте. Чисто по наитию разобрался в «куда чем ткнуть» и агрегат, как ни странно, завелся.

Могила получилась роскошная – для всех места хватит. Часа полтора ушло на то, чтобы подготовить тела к погребению и еще час на то, чтобы спустить их с четвертого этажа. На своем горбу, конечно – электричество погибло, а с ним и лифт. А еще Андрей разворотил дома пару встроенных шкафов и собрал уже на газоне большой широкий гроб: повезло, что аккумулятор шуруповерта оказался заряжен. Гроб смонтировал прямо на дне могилы. Подумал, что места хватит и для соседки Кати – милая была дама, семья с ней хорошие отношения поддерживала – но... «пусть мертвые хоронят своих мертвых». Сейчас, наверное, каждый за себя отвечает.

Опустил тела жены и дочек в последнее пристанище, закрепил крышку, оставив шуруповерт в могиле. Вылез, вздохнул, перекрестился и хотел сказать хоть что-нибудь. Оглянулся – рядом никого не было. И быть не могло – Андрей почему-то был в этом уверен. Абсолютно

уверен. Поэтому промолчал. Зачем слова, если Господь, коль он уж и есть, все равно услышит? Но есть ли – вот в этом Андрей сейчас сильно сомневался. Потому что такого не могло быть. Но было. И это не ночной кошмар, из которого еще можно вырваться. Хотя жутко хотелось.

Бросил в могилу горсть земли, потом взял лопату, специально принесенную с балкона, и начал кидать в могилу землю. Через час на желтом осеннем газоне чернел практически идеальный квадратный холмик. Погост. Нужно еще крест и табличку...

Отогнал от могилы китайскую землеройку, вытер какой-то тряпкой руки и поднялся в квартиру. Все семь стволов аккуратно лежали на столе, в каждом по полной обойме и еще пять запасных обойм. Выставка вооружений народного хозяйства. Андрей достал из шкафчика початую бутылку вискаря – тесть его уважал – и плеснул в стакан сразу грамм сто. Практически он не спиртное пил, по крайней мере – не употреблял уже давненько. Быть может потому, что здоровье берег, но, скорее всего, что спиртное в него как-то не так упало, расслабляло и усыпляло. Вполне легко без выпивки мог расслабляться. И не было смысла в организм алкоголь вливать. А здоровье в последние несколько лет не всегда и баловало. Хотя, чего уж сейчас, все равно перед смертью не надышишься.

Влив в себя вискарь, Андрей выдохнул, взял один из пистолетов и вышел на балкон. И начал стрелять в сторону столичного пожарища. Шмалял, пока обойма не закончилась. А в ответ вдали, сквозь жирную черную копоть нависшего над бывшей Москвой дыма, глаза резанула ярчайшая вспышка и захрустел далекий грохот. Вылезло что-то похожее на яркий гигантский гриб-толстокорик. Или что-то само взорвалось, или кто-то «подарочек» закинул. Кругом враги! Но хуже уже и быть не могло.

Плотно закрыв балконную дверь, Андрей вновь плеснул в стакан вискаря и плюхнулся в кресло. Зачем-то картин покрутил на пальце пистолет. Получилось крайне неуклюже – не фига не ковбой. Выпил вискарь и мгновенно уснул. Суицид на сон грядущий не состоялся.

Проснулся ранним утром от запаха пластмассовой гари – едковатая вонь проникала даже сквозь пластиковые окна. – И дым Отечества нам сладок и приятен, – подумалось. Но остатках воды в пятилитровой бутылки с помощью таблеток сухого горючего создал себе немного кофе и даже побрился. Достал сумку и скинул в нее со стола стволы и обоймы. Открыл уже потеплевший без электричества холодильник и выгреб оттуда все обнаруженные консервы. Порылся в шкафу и бросил в сумку упаковку носков и несколько футболок. Надел свежую фланелевую рубашку в черно-красную клетку.

Оглядел хату – взгляд упал на распутившиеся фиалки, беленькие, бордовые и голубые. Это лучше креста, потому что крест был уже как-то неуместен. Потому что на всем прошлом стоял огромный крест. Странный как твердый знак. Прошлое было перечеркнуто навсегда.

Взял с подоконника три горшка с фиалками и спустился к могиле. Бережно поставил цветы в изголовье. В память о разрушенном доме. И никаких табличек – некому их читать. Вновь мысленно попрощался. Поднялся в квартиру, взял сумку, в прихожей снял с вешалки куртку и вышел. Гулко закрыл дверь. Если бы сейчас была б под рукой граната, бросил бы ее в квартиру. Чтобы больше никогда не вспоминать. Потому что больно.

Вчера, когда шел за китайской чудо-машиной, обнаружил «Патриот» с открытой дверцей. Рядом лежал труп мужика, в руке у которого торчал брелок с ключами от авто. Андрей осторожно вынул из закованной синюшной кисти брелок, забрался в агрегат, оглядел салон – вроде порядок, на заднем сидении какие-то сумки. Ткнул зажигание – движок утробно заурчал. На приборах полный бак и прочее благолепие.

Вышел, проверил багажник – инструменты, топор, алюминиевая канистра с бензином, литровый жбанчик масла, «тормозуха», могучая веревка с карабинами и стандартный трос для буксировки, даже ручная лебедка. А еще бензопила и нераспакованная бухта шланга для полива – почивший владелец был, похоже, заядлым дачником. Все когда-то были дачниками.

Андрей благодарно отодвинул тело бывшего хозяйственного автовладельца к обочине, обосновался в водительском кресле и двинулся.

На Урал он решил выбираться привычным путем через Казань. И уже через полста метров пожалел, что выбрал «Патриот», а не какой-нибудь бульдозер: дорога была забита автомобилями, между которыми приходилось отчаянно лавировать, порой даже подталкивать их хрупким бампером. Бампер жалеть не приходилось – нас бы кто-то пожалел. Сколько уж тротуарами, сколько дворами, но вперед, «огородами, огородами и к Котовскому!». Только вперед. Позади Москва. Домодедово – это уже не Москва, а считай что Подмосковье. Значит – попроще.

До Казани добирался трое суток – постоянно приходилось объезжать по обочине завалившиеся поперек дороги дальнобои. Сотни автобусов, опрокинувшихся или стоящих на обочине, обгоревших, разбитых или попросту наполненных мертвецами. Тысячи легковушек, вылетевших с трассы или застывших на пути. Целых, невредимых, просто остановившимися посреди дороги. Андрей их начал называть «попутки». Никто не просил помощи. Никто, судя по запаху, как минимум уже несколько дней не проявлял признаков жизни.

Чтобы перекусить и вздремнуть, Андрей съезжал с трассы на проселочные дороги. Кипятил на походной газовой комфорке воду в литровом котелке, заваривал быстрорастворимую лапшу, щедро трамбовал эту смесь тушонкой, заваривал в кружке кофе. Туристические приспособления он реквизирует в каком-то специализированном на охоте-рыбалке попутном магазинчике, а в соседней лавке набрал продуктов. В благодарность заснувшим навек хозяевам оставлял пачки купюр – деньги сейчас буквально валялись на дороге. Спал на удивление спокойно – никто не беспокоил. Лишь однажды, проснувшись утром, вздрогнул от резкого трупного запаха: оказалось, что на поляне, метрах в двустах от его стоянки, погиб табунок лошадей. В сумерках вечером съезжая с трассы, он этого не заметил, да и если бы не роза ветров...

На обочине часто встречались трупы собак. Угнетающе поразило поле у Чебоксар, как ковер покрытое дохлыми воронами, – птицы успели собраться в гигантскую стаю и пытались куда-то улететь, возможно, в теплые края. Но пали на вспаханную под озимые землю как битые летчики. Ветер гонял пух и перья, дворники на лобовом стекле сбрасывали эти останки с противным стоматологическим писком. Прах кружил над мертвой трассой.

Перед Казанью Андрей обобрал машину ДПС – поднял с трупов четыре укороченных «калаша» с рожками и обнаружил в багажнике пять десятилитровых канистр бензина. И хотя в горячем недостатка не было, сливай да заправляй, но запас... отчего-то захотелось думать о будущем. Взял и рации. В эфире, кстати, была звенящая тишина. Даже помех почему-то не было.

Казань удивила – город был мертв, но цел. Проспекты не были заполнены скопищем сдавленных авто, хотя у обочин невозможно было припарковаться – автомобили стояли почти впритык. Да и зачем вообще было парковаться? Андрей вдруг понял, что просто мечтает, чтоб к нему с воем и визгом, сверкая всеми огнями, словно новогодняя елочка, пафосно примчался полицейский патруль и оштрафовал за остановку под запретным знаком. Но стражи порядка были холодны и безучастны. Слишком.

А потом случился шок – Андрей увидел бредущую по влажному от какой-то сырой, окутавшей город, взвеси асфальту высокую сутулую фигуру. Тощий длинноволосый мужик в длинной кожаной куртке, слегка пошатываясь, волок два объемистых полиэтиленовых пакета. Один, совсем один, посреди пустой улицы.

Андрей потянул с заднего сидения «калаш», но одумался – чего живого-то бояться, если уж и мертвых не боишься? Подъехал к одинокому пешеходу. Открыл дверцу и обмер:

– Федор?

– Ну! А ты кто? Стоп, понял, Андрюха?!?! Пить будешь?

Федор был другом детства. Лет тридцать с гаком назад с протекции родственников уехал в Москву, благополучно влился в ряды «лимиты» и запил. При этом получал в наследство московские квартиры и подмосковные дачи, но жил в какой-то приватизированной общажной комнатухе и продолжал крепко нелюдимо пить. Поэтому практически лет двадцать не общались.

– Слушай, вот тут у меня пара литров водяры и всякая закусь. Водка здесь отличная – никакого бодуна! – усаживаясь в «Патриот» сообщил Федор. – Я тут недалеко в каком-то небольшом отеле остановился, «Премиум» называется, а дальше что-то по-татарски. Два этажа, все шесть огромных номеров – никого! Понимаешь – вообще никого! Правда, нет электричества, но принял на грудь – и спишь спокойно, –дохнув хроническим перегаром, сообщил Федор.

– Я тут как оказался? Бухали с соседом Юркой, он башкирин, откуда-то из-под Уфы. Ну, ему и позвонили, что отец помер. А у них, башкир, положен сразу же, как помер, хоронить. Ну, мы с Юркой и на вокзал. Взяли водки, сели в поезд, проснулись в Казани. Говорят – дальше поезд не пойдет, какой-то главтатарин движение запретил. Приказал всем сидеть по домам и не высовываться. Ну, мы с Юркой все же сходили, взяли по гигантской цене еще водки, ящик, наверное, и забухали всем вагоном. Потом я проснулся, а они все померли. А я очки разбил, ползал по вагону среди жмуров, искал стеклышки. Сейчас вот новые нашёл, как у Джона Леннона. Знаю тут лавку, фирменные, там много, тебе не надо? – продолжил он. – Который день брожу по городу, никого нет, одни мертвецы. Запинался о них, пока очки правильные не нашел. Думал – кино снимают. Поехали ко мне в отель, а? Чтоб за встречу! Правда, там воды еще нет, даже в нужниках. Но в каждом номере по два унитаза, вода в бачках пока есть, а потом что-нибудь придумаем. Слушай, я закурю, а? Вот пару блоков «Кэмела» подобрал...

– Да хоть перни, Федя! Ты, главное, говори! Говори! Весь дым Отечества нам сладок и приятен.

Глава 6

Указания сверху

*Свердловская область, райцентр Арти
Октябрь 2020 г.*

– Все умрем, а Бог рассудит. Ситуация абсолютно непонятна, достоверной информации нет, лишь только то, что сообщают приехавшие горожане и наши водители, вернувшиеся с грузом. Но это их личное видение событий. Очевидец, как говорят, всегда врет. Мы людям доверяем, но... Поэтому обойдемся без истерик и не будем кошмарить сами себя. Работа – лучшая психологическая разгрузка. Прямо сейчас начинаем консервировать производство, потому что нет и не будет никаких гарантий, что через полчаса не закончится газ и электроэнергия. Навсегда. Отключиться может все и в любой момент. Стараемся успеть, но грамотно и без спешки. Пусть люди работают – сейчас для них это самое главное, жути и без того хватает, – завершил краткую утреннюю планерку директор Артинского завода Виктор Михайлович. – И срочно, но, опять же, без паники, определяем, что нам нужно в создавшейся ситуации. Запасы, потенциал и возможности. Прежде всего – варианты отопления и возможность самостоятельной выработки энергии. Жду оценок, докладов и предложений к 12—00. Но обязательно реально, исходя только из реальности. О нереальном попозже поговорим. А сейчас я схожу в администрацию – пригласили на совещание. Послушаю.

В районную администрацию Виктор Михайлович всегда двигался только своим ходом – принципиально отвергая глупенькое чиновное авточванство и не чураясь легкого променада: полукилометровая пешая прогулка не только возможность с добрыми людьми откланяться, но и повод попутно мысли в порядок привести. Особенно сегодня.

Поскольку глава районной администрации отдыхал в Таиланде, совещание открыл замглавы по экономике Алексей Дмитриевич:

– Сразу скажу, что ситуация неординарная, никаких разъяснений от вышестоящих структур до сих пор не поступило, поэтому действуем согласно имеющимся инструкциям, – сообщил он. – Под охрану взяты главные учреждения – банк и здание администрации района. Делаем все, чтобы сохранить стабильность и не допустить провокаций. Население, конечно, взволновано, и поступает множество вопросов, все вопросы обязательно фиксируются и впоследствии на них будут даны разъяснения отраслевых специалистов. Просим всех сохранять спокойствие – революций нам не нужно. Думаю, что полиция с честью справится с поставленными перед нею задачами. Поэтому передаю слово правоохранительным органам.

Полковник Фисенко доложил кратко:

– За прошедшую неделю никаких провокаций или попыток организации массовых беспорядков не отмечено, серьезных преступлений на территории не зарегистрировано. Районные коммунисты подали заявку на проведение митинга в центре Артей с предполагаемым участием трехсот человек. Заявка рассматривается. Представители православной церкви обратились с просьбой разрешить проведение крестного хода по центральной улице поселка, которая, как известно, является трассой федерального значения. Это предложение также находится в стадии рассмотрения. Администрация выдаст решение. Из нарушений общественного порядка преобладают пьяные дебоши и семейные скандалы, с которыми участковые благополучно справляются. При этом очень много травматизма и нарушений на транспорте, это по линии ГИБДД. Но, я считаю, майор Пахомов подробнее расскажет.

Майор Пахомов достал из кармана сигареты, закурил и спросил заместителя главы районной администрации:

– Пепельница у вас где? Скажите, чтоб принесли. И не обращайтесь – я сейчас ежедневно не менее литра водки или коньяка выпиваю. И ни в одном глазу! За неделю я дома ни разу не был, потому что ежедневно не меньше двухсот трупов на дорогах. Бьются все, еле успеваем бульдозером технику на обочину сталкивать. Сейчас, правда, на убыль пошло, но нам еще тела из битых машин недели две извлекать. Всего уже посмотрелся. Для нас пьяный за рулем сегодня не преступник, а пока еще живой водитель.

– Вы пьяны, выйдите вон! – неожиданно завершала дамочка, известная по прозвищу Тамада. Она в свое время служила заместителем главы по социальным вопросам, но вляпалась сразу в несколько весьма конфузных скандалов и ее тихо назначили директором одной из местных школ. Тем не менее, она исправно посещала все административные совещания-оперативки. Вероятно, в надежде на лучшее будущее. – И ваше хамское поведение – еще одно наглядное доказательство необходимости поддержки инициативы, с которой выступил на собрании возглавляемый мною педагогический коллектив. Мы предлагаем немедленно ввести на территории Артинского района ограничение по возрасту и времени продаж спиртного. Это муниципальная прерогатива! И я намерена сообщить об этом областному руководству!

– Похоже, только в гробу у тебя это получится, – усмехнулся Пахомов. – Плохое про Екатеринбург говорят приезжие наши земляки...

– Нельзя верить слухам и вымыслам. Нам нужна информация из официальных источников! Выдворите отсюда этого пьяного хама! – продолжала истошно верещать Тамада.

– Труссы проветри, тетя, – спокойно парировал ей майор Пахомов и обратился к полковнику Фисенко: – Я тут покемарю где-нибудь, закончится все вот ЭТО, так ты меня толкни, заberi, поговорить надо. И вышел вон.

А полковник Фисенко продолжил: – Именно об этом я и хотел сообщить – не менее тысячи неопознанных трупов. Не только не опознанных, но даже не востребованных. Нет связи с областным руководством. Коллеги из соседних районов – Красноуфимск, Серги и Усть-Икинск – выставили на дорогах кордоны. Полагаю, и нам нужно это сделать под нашу ответственность.

– Считаю, что необходимо ждать указаний вышестоящих органов, – заявил замглавы по экономике. – Чтобы там наверху не произошло, уверен – разберутся и вовремя соориентируют. А мы постараемся сохранить стабильность и в полной мере выполнять должностные инструкции. Главное в сложившейся ситуации, я думаю, это трудовая и производственная дисциплина. Время непростое, все сложно и тяжело, но на нас возложено руководство районом. И мы обязаны с честью нести свои функции.

– А, можно, я это процитирую в нашей газете? – подскочила редакторша Болтышева. – К нам сейчас часто люди ходят, несут некрологи и постоянно спрашивают. Хотелось бы их правильно проинформировать, – продолжила она, отчего-то подергивая левым глазом. – Необходимы строчки оптимизма, и ваше столь точное выражение наиболее четко характеризуют ситуацию.

– Информируй, но сначала дай мне прочитать, а то опять чушь напорешь, – буркнул ей Алексей Дмитриевич. И продолжил: – Пенсионный фонд и служба занятости – как у вас ситуация?

– Давайте я за них отвечу, – повернулся к нему Виктор Михайлович. – С безработицей в ближайшее время проблем точно не будет, да и с пенсиями тоже. У нас водитель с металлом из Магнитогорска пришел, так шесть мешков денег привез. Там много. На дороге валялись. Кроме всего прочего. Можете забрать да и раздать желающим. Хотя лучше б продуктами. Похоже, пора бы и усиленную охрану с банка снять – нечего полицию перегружать, а прохожих пугать. Все уже напуганы. От банка только вывеска осталась, стены да кабинеты – нет денег, нет и банков. Ситуацию, конечно, нужно стабилизировать, а для этого необходимо прямо сейчас и очень точно знать – когда прекратится подача электроэнергии и газа. Впереди зима, и если

воду с отопительных систем не слить, то системы разморозим обязательно. И начинать готовиться к нынешнему отопительному сезону – это дрова и «буржуйки». А если уж об оптимизме заговорили, то давайте похороним умерших с достоинством. Пусть и в общую могилу. Хотя лучше бы сжечь. Документы на многих погибших, как я понимаю, есть, если нужно будет – разберемся потом. Был я там в прошлую пятницу – даже издали тяжко, масса черных траурных мешков никакого оптимизма не вселяет. И о крестном ходе с митингами – разрешить, я думаю, нужно. Людям сейчас вместе надо быть, хоть под крестами, хоть под звездами...

– Кстати, насчет денег – у меня и у майора Пахомова полные багажники этих денег, – добавил полковник Фисенко. – Нужно – заберите. Приезжие отдают, в качестве то ли подарка, то ли сувенира. Можете считать, что взятка – какая сейчас разница... Сейчас даже водка не валюта. И давайте без разговоров о должностных правонарушениях. О делах нужно говорить.

Электриков и газовиков на совещании не было – забыли пригласить. Вера Крупина, председатель райпотребсоюза, «подогрела» тему оптимизма – если не будет электричества, то никакие дизель-генераторы хлебозавод не потянут, уже прикинули, что мощности не хватит. А хлеб-то – всему голова. На сетевые магазины можно не надеяться – их уже нет. И явно больше не будет. Продовольственное снабжение пока остается на совести райпо. Запасы муки еще есть. Но без света и газа не получится печь хлеб и в домашних условиях, разве что жарить лепешки на керогазах, которых тоже нет. А пока есть электричество, райпо готово кормить в своем общепите всех желающих, просто и сытно. Сытым жить не так страшно. И еще хотелось бы поиметь полевые армейские кухни. На будущее.

– А уточните – какие документы или справки нужно будет иметь, чтобы получать бесплатное питание? Или будут раздаваться талоны? И в какое время? – оживилась редакторша Болтышева.

– Я же сказала – кормить всех и круглосуточно, – мрачно ответила ей председатель райпо. – Даже вас.

– Благотворительность, это так хорошо для сирот и инвалидов! – обрадовалась дерганая редакторша. – Я обязательно укажу это в интервью с главой районной администрации, когда он вернется из Таиланда!

Местечковые чиновники любили Болтышеву – она заряжала их своим кликушествоющим идиотизмом.

– В районе многие школы и детсады подключены к котельным с возможностью дровяного отопления, – неожиданно вспомнил замглавы администрации. Практически тут же все присутствующие заверили его, что в нынешних условиях детей в школу, а тем более в детсад, никто не отпустит. А люди знающие подсказали, что без электроэнергии и тепло с водой по трубам не пойдут. Обозначенная вероятность остаться без тепла, хлеба и воды настолько поразила Алексея Дмитриевича, что он наскоро свернул заседание.

– А тебя почему не допросили? – спросил Виктор Михайлович главврача Будякова, выходя вместе с ним из административного здания.

– Сам поражен, думал, что все шишки да залупы на меня посыплются. Но сказать ничего не могу – вероятно, вирус. Но что за вирус – это вне нашей компетенции. У нас даже кал с трудом анализируют, нефига мы не микробиологи. Мы к трупам подходить боимся, – признался Будяков. И усмехнулся:

– Сказано же – ждать указаний сверху.

– Сдается мне, указания с самого верха мы уже получили. Указания свыше, – ответил ему Виктор Михайлович.

Глава 7

Лики Скорби

Екатеринбург

Октябрь, 2020г

Мертвым деньги не нужны. Да и живым нынче тоже. Сергей закидывал в огромный пакет системы «гордость челнока» разноцветные жестянки и упаковки табака – зачистке подвергалась табачная лавка, обнаруженная в торговом центре на улице Амундсена. Александр же поигрывал брелком – ключом от RAV-4, обнаруженным в барсетке последнего посетителя этой лавки.

– Не устал еще? – Александру не терпелось выявить на стоянке автомобиль и проверить его на наличие исправности – вполне могло случиться, что или аккумулятор сел, или в салоне остались трупы. Он уже отказался от нескольких паркетников: или цвет не понравился, или... В одном, например, обнаружилось тельце какой-то микрособаки невнятной породы.

– Да вроде набросал столько, сколько смогу унести, – ответил Сергей. – Вот уверен – сигаретами да обычным табаком-то мы на свой век обеспечены, а качественный трубочный табачок скоро станет великой редкостью. Условия хранения, понимаешь, стеллажи в мертвом городе – это тебе не хьюмидор...

– Кури сигареты и успокойся, минздрав больше никого не предупреждает, – грустно заметил Александр. – Некого больше запугивать. План по борьбе с курением выполнен и перевыполнен. Сигарет не одна фура перед Артями стоит.

– Трубка – это все-таки мыслительный процесс, знаешь ли. Надежда и опора. Особенно во время тягостных раздумий о судьбах моей родины. А кроме трубок да табачку прибрал я и ершики для чистки трубок, и прочую околотабачную индустрию, – отмахнулся Сергей. – Ты взял бы вот сигарилки какие-нибудь, что ли, чего добру пропадать.

– Ты бы лучше шубку жене выбрал, – парировал Александр. – Вернемся, а она тебя спросит: с чем, добрый молодец пришел и откель будешь?

– Ну не могу я в этом барахле рыться, мне кажется, что все вокруг мертвым запахом пропиталось. Обутки на зиму себе выбрал знатные, все-таки как бы в коробке уложены-завернуты и какой-то поглотитель химический в них засунут, убедил себя, что не воняют, но вот для жены никакого запаха не хочу. Мертвый дух. Мнителен я стал. Для жены только упаковку трусьев взял, потому как герметично утрамбованы и якобы из Парижу. Китайцы, видимо, и в Париже водились, трусы там парижские производили.

– А как ты считаешь, китайцы остались?

– Да кто ж их знает. Я вчера с Олегом, начальником сейсмической станции (*9) разговаривал. Они, кстати, до сих пор в США информацию отправляют, хотя оттуда ни ответа – ни привета. Так, говорит, в Китае, Корее и Вьетнаме 17 серьезных подвижек зафиксировано, скорее всего – ядрена-матрена. И это все, что я знаю о Китае.

– А про Европу-Москву и Штаты он что говорит?

– В Москве три хлопка, в Киеве пять, в Европе два и в Штатах девять. Ну, и арабы-Израиль порезвились. Не особо серьезно, короче. И больше никакой информации.

Сергей взвалил на плечо «гордость челнока» объемом в добрый кубометр и подтолкнул к Александру кучку зажигалок Zippo:

– Пригодятся, надеюсь, а кремни и бензинчик к ним сам прихвати, у меня руки заняты. Да, и возьми-ка вот нюхательного табачку – запашок из ноздрей изрядно выбивать должно. Не фиг трупным духом дышать. Я не пробовал пока, но эффект будет, надеюсь. Нам с тобой сейчас только и остается надеяться. Надо, наверное, в парфюм, в Л, Этуаль заглянуть, чтоб от одежки запашок отбить. Кстати, вот и для дам презент организуем, чтоб в тупом мародерстве не обвиняли.

И нацепил «намордник». В торговом центре было тепло – по случаю начала отопительного сезона в Екатеринбурге батареи и прочие обогревательные приборы активно работали. Оттого пришлось бродить в респираторах – умерших уже тлен коснулся, и довольно емко.

На выходе из бутикового торжища ветерок шевелил полиэтиленовый мусор, но аромат города был жестокий: в центре Екатеринбурга явно что-то полыхало и оттуда шел густой смрад жженой синтетики. Александр начал давить кнопочки брелка и, наконец-то заметив откликнувшийся автомобиль, даже обрадовался:

– Смотри-ка, как мы с тобой удачно припарковались, всего в сотне метрах от этого новоприобретения.

– А ты его посмотри, сначала.

Отозвавшийся на брелок паркетник оказался самого актуального на нынешний день символично-черного цвета, глянцево-блестящ, а, главное, без «пассажиров». Александр проверил движок, приборы на панели констатировали пригодность и приемлемость, да еще и полный бак горючки.

Решили перегрузить из «опелька», на котором приехали в Екатеринбург, всякий скарб. Но пришлось повозиться – зачистить подъезды к RAV-4 и выезды – стоянка слишком уж захламлена замершими авто, в иных из них навсегда замерли и тела владельцев. Автомассив расталкивали заслуженным «опельком» – его не жалели, ибо отслужил свое.

На новоприобретенном авто обнаружили зимние шины – бывший хозяин оказался предусмотрительным. Перекинули из багажника «опелька» три ящика вискаря и две упаковки текилы, и какие-то запакованные сырокопченья-соленья, обнаруженные в ранее досмотренном алкомаркете. Забросили шесть карабинов-ружей, пару пудов патронов и прочего охотничьего припаса, выявленных в лавке для охотников-рыболовов. А также прихваченные из Артей три десятилитровых канистры с горючкой. В салон затолкали челночный мешок с табаком и еще один такой же объем с наручными часами и разномастными батарейками. Александр попрощался с родным натруженным «опельком», хлопнув по капоту и загрузился в паркетник. Сергей плюхнулся в пассажирское кресло, снял респиратор, принялся морщиться, и вытащил из пакета бутылку водки:

– Выежаем со стоянки и сразу пьем. Нервы не держат! Трясет всего.

Александр ткнул пальцем в панель, замерцал проигрыватель и какой-то бодрый русскоязычный рэпер сконфуженно сообщил: «Если в городе революция, стрельба, беспорядки, то хер я уйду с этой грядки...».

– «Кровосток», – определил Сергей. – Группа такая. Лет этак десять с лихером назад было модно среди рефлексирующей образованщины. Народ любил табуированные рефлекс и пограничные релаксы. Вот тогда я эту херню и запомнил.

«... люблюсь заревом горящего Кремля.

Вспомнил, как меня там принимали в пионеры.

Я еще пернул и взрослые заговорили про манеры...»

– Бля, флешку в «опельке» своем позабыл выдернуть. Схожу, заберу, коль уж вспомнил, – открыл дверку Александр.

Когда он вернулся, в салоне могуче пахло свежей водкой. Сергей держал в руке ополовиненную бутылку и откусывал кончик сигары, реквизированной в табачной лавке.

– Ты чего? Подождать ж хотели.

– Смотри, где стоим...

Перед машиной торчал зад ярко-красного «миникупера» с наклейкой на стекле «Осторожно, в машине ребенок». И ребенок был в машине, в детском кресльце на заднем сидении.

– Пока ты флешку выуживал, я вышел и глянул. Сидит ребенок... По щекам слезы. По мертвым щекам. Следы от слез. Засохли. И больше никого в машине. Годика еще явно нет. И больше не будет, – сказал Сергей и начал раскуривать сигару.

– Давай и я хлебану... Чего ж из горла-то? Я в кафетерии чашечков кофейных прихватил....

Из Екатеринбурга выезжали молча, лавируя между застывших битых и небитых авто. На площадке перед входом на Ширококореченское кладбище лежала груда пластиковых венков. Рядом, на автобусной остановке, десяток трупов. Похоже, кто-то, пока еще живой, но уже окончательно с ума спятивший, хотел укрыть покойников венками. Не успел и не донес. Получилось так, как будто расстреляли похоронную процессию. Этакое «кровавое воскресенье». Но крови не было. Гробов тоже. И воскресения не было.

На выезде из Екатеринбурга вдоль Московского тракта на обочинах сплошь стояли фуры. Аккуратно и организованно – судя по всему, перед тем, как все началось, кто-то догадался перекрыть дальнобою въезд в город. Все остались там, где стояли.

Решили остановиться у Мемориала жертвам коммунистических репрессий, хотя даже там площадка была занята большегрузным транспортом. Устроились насчет «поужинать», как совестливо говорят приличные люди, у подножия Масок Эрнста Неизвестного. Лики Скорби установили здесь три года назад и, похоже, «накаркали» будущее.

Долго растирали руки влажными гигиеническим салфетками. Разлили водку по кофейным чашечкам, разорвали вакуумные пакеты с нарезками сыра-колбасы, вскрыли банку с маринованными огурчиками, распечатали пакеты с крекерами-галетами. Выпили не чокаясь, закусили.

– Где стол был яств, там гроб стоит.... – пробормотал, прожевывая, Сергей. – И наши яства стоят на надгробии и на гробе... Не было печали, да черти накачали. Или ветром надуло? Вот откуда это все прилетело? Кошмарно, но сейчас мы с тобой вдвоем справляем тризну по погибшему городу. Вдвоем – по всему мегаполису. А ехали мы с тобой посмотреть и убедиться... Когда ко мне из города приехала молодежь, тихая, даже седая, в шоке и ужасе, я им все равно не верил. Люди не верят в смерть доброго и родного человека, пока к гробу не подойдут, не попрошаются, горсть земли в могилу не бросят. Психика у людей плавная и растяжимая, как река. А сейчас огромный город и без упокоения. Город этот еще сопротивляется, в гости зазывает, лампочки включает, вентиляторами шуршит, даже двери передо мной открывает, кофе-агрегаты включает, а людей в нем нет. Умерли все. Я даже мысленно перечислить не могу имена тех, кого, похоже, больше и не увижу, кого, быть может, и не стало. Я не могу их покойниками обозначить. Хотя некоторых в свое время, для себя лично, из своей собственной жизни вычеркнул и давненько мертвецами считал при полном их благополучном телесном здравии. Бог судья!

– Когда все это началось, я думал, что сплю в сплошном липком и затяжном кошмарном тумане. Даже боялся, что зашизофренил понемногу и слегка, – подхватил Александр. – Хотелось проснуться, но лучше б спал и не просыпался. Сейчас если и засыпаю, то проваливаюсь, словно в черную яму, на десяток минут, а потом снова мысли крутятся. Если есть Бог – то как он все это допустил? И почему нас в живых оставил? Или просто решил очистить весь этот мир от паразитов, посчитав тупиковой веткой эволюции, но со свойственной Богам небрежностью забыл именно нас смахнуть поганой метлой? Вот даже не хочется дядюшку Бога в виде классической «жопы с метлой» представлять. Хотя по делам только этого он и заслуживает. А если не Бог, а человек? Какой-нибудь извращенец яйцеголовый, насквозь провоенный пакостник, который создал хрен знает какую поганую бациллу, да распустил ее по миру, чтоб всех и оптом, хором и разом раком поставить, оставив только тех, кто в бункер успел спрятаться. Потому что знал! Но мы-то нихера не знали, вот я лично – точно нихера не знал, потому что всегда любил жизнь и радовался ей. Не знал, а жив остался, без гребанного бункера и сраного МЧС. Короче, давай! За тех, кто уже не с нами! Пусть придет покой их праху!

Александр разлил водку, разлил до краев, до самого верху чашек. Даже с грудкой. Страхнули немного водки на памятник. Выпили.

– Знаешь, чего сейчас не хватает для покоя... А для покоя не хватает большого, огромного и всеобщего белого савана. Пусть приходит зима и все укроет снегом. Пусть для них Покой наступит! – сказал Сергей, смахивая пальцами капли руссконародного напитка с усов.

Разлили по чашкам водку, поставили чашки у подножия Ликов Скорби и накрыли их печенюхами-крекерами. А потом двинулись в Арти, домой, к живым.

*9 – сейсмическая станция. Имеется ввиду обсерватория «Арти», где работают четыре геофизические станции – магнитная (с 1836 года), сейсмическая (с 1970 года) и ионосферная (с 1944 года), станция GPS (с 1999 года). Она имеет три технических здания, семь магнитных павильонов. Магнитная обсерватория в поселке Арти стала преемницей обсерватории «Высокая Дубрава». Перенос местоположения обсерваторий сопровождался специальными наблюдениями и исследованиями вариаций геомагнитного поля, которые позволили корректно осуществить преемственность исследований. Таких исследований по переносу наблюдений магнитного поля мировая практика обсерваторских работ не имеет. *Сейсмическая станция* имела в работе до 2003 года аналоговое российское оборудование, с 1988 года по международному соглашению здесь работает американская станция IRIS/IDA. Станция входит в состав международной системы сейсмического мониторинга по контролю за испытаниями ядерного оружия. В настоящее время проводится работа по организации сейсмических наблюдений с помощью аппаратуры, разработанной в Институте геофизики с использованием имеющихся сейсмометров. Обсерватория «Арти» занимает около 100 гектаров площади, имеет автономное снабжение водой и теплом, свои гараж, склады, гостиницу, жилые дома.

Глава 8

Дорога в Ад

*Свердловская область, Артинский район, райцентр Арти – село Пристань
Октябрь 2020 г.*

У каждого свой крест. И чем крест легче, тем человек подлее. В этом вся суть возможности выбора.

Представитель муниципальной власти от участия в Большом Погребении наотрез отказался – случились какие-то срочные дела. Но потребовал, чтобы весь процесс документально оформили под протокол с указанием свидетелей и при точном и полном списке похороненных.

– Постарайтесь без ошибок в именах и фамилиях, а также год рождения обязательно укажите. А печать потом поставим, – добавил Алесей Дмитриевич. – Несложно, в общем-то. Вы уж сами постарайтесь справиться. Но чтоб протокол был правильно оформлен. На днях ждем возвращения из Таиланда главы районной администрации, а уж он-то потребует полный отчет обо всем, что на территории муниципалитета случилось.

Сергей сходил в машину и вытащил из багажника мешок с бумагами погибших – собрали все, что на документы походило: права, паспорта, страховые полисы, даже визитки. Вернулся в кабинет чиновника, бухнул мешок на пол и мрачно сообщил:

– Все, что могу. Сами разберетесь. И чтоб без огрехов и помарок! Орфография – вот что сейчас главное! Все остальное – в Таиланде.

Херовым танцорам, как известно, завсегда яйца мешают. И чем круче херовый танцор – тем круче и пышнее мешающие ему яйца. Или экзотичнее. Тайские, к примеру. Забугорье – это нынче стильно.

Заниматься похоронами Сергея утром нагрузил Виктор Михайлович, после того, как выслушал рассказ о поездке в Екатеринбург. Сергей, завершая перед собравшимся в заводоуправлении народом повествование, предложил собрать команду шоферов, чтобы выбрать из скопища фур на трассе те тягачи, у которых груз поважнее-пожирнее, да и перегнать эту технику на территорию предприятия. Чтoб в стенах и под присмотром. Директор завода сообщил, что этой темой уже занимаются, но как раз никто не занят делом насущным – погибших на трассе водителей и пассажиров в последний путь проводить.

Оказалось, что уже и место для общей могилы выбрано – карьерчик на вершине горы неподалеку от поля, где традиционно проводится Турнир косарей (*10). И еще вчера туда отправилась парочка колесных экскаваторов, которые уже вырыли траншею. Вчера же сборная команда из трех десятков отважных мужиков начала грузить мешки с трупами в фургон. Мужики, конечно же, водки выпили изрядно, и основную часть работы уже завершили. Но выдохлись. Морально. А сейчас нужен импульс и стимул.

– И надо, чтоб кто-то бросился на амбразуру, доказал парням, что дело необходимо до конца довести. Найди нужные слова, взбодри и убеди. Я сейчас тебя послушал, и понял, что у тебя обязательно получится. Ну, а также переговори со священниками, привези их, попробуй сделать так, чтоб все было правильно. Доведи все до логического конца. Мы в тебя верим, – ободрил директор. – И потому на тебе общая могила. Бздеть, в общем, на кладбище будешь.

– Даже поблагодарить за доверие хочется, – ухмыльнулся Сергей. – Звучит грозно и гордо: «На тебе могила, и бздеть, кроме тебя – некому». Незаменимый. Совсем как Сирийский Цирюльник.

– Держи выше. Да не ждать же когда из Таиланда помощь прибудет.

– А Таиланд при чем?

– Скоро узнаешь, – пообещал директор. И оказался прав – оказывается, есть в этом выжившем скорбном мире конторы, которые только на Таиланд и уповают.

С мужиками, которые уже сутки только и занимались тем, что перетаскивали запашистые и подтекающие сукровицей скользкие черные пластиковые мешки с трупами от морга, в который покойники не поместились, в железный фургон, найти общий язык удалось. Сергей просто вкратце рассказал, каким он увидел вчерашний Екатеринбург.

– Вот такая беда, мужики. Не знаю, откуда эта беда к нам пришла, но знаю точно одно – никто тех людей, кто сейчас в Екатеринбурге лежит, не похоронит. Никогда. А мы умерших на нашей земле людей, пусть нам и незнакомых-неведомых, похоронить можем и должны. Пусть не совсем правильно, не по канонам православным и мусульманским, да и человеческим, но уж как сможем. Поможем земле принять их тела, а Богу – их души. Был такой поэт Данте, он про Ад любил писать. И в первом круге Ада у него оседали даже не грешники, а те, которые за всю свою жизнь ни одного настоящего толкового поступка не совершили. Жили-скрипели, не грешили, законы исправно выполняли, но без толку жизнь проживали, воняя, кряхтя и попердывая. Потому и угодили в Ад. Вот такой пессимист был этот итальянский эксперт по загробной жизни. Одно слово – католик. Экзорцист какой-нибудь, вуярист и даже эксгибиционист. Говорят, что дорога в Ад унавожена благими намерениями. Быть может. Но кажется мне, что среди этого навоза самое вонючее дерьмо – равнодушие. Равнодушие ведет в Ад, равнодушие делает человека безучастным ко всему. А вы сейчас поступок совершаете. Пусть не подвиг, но поступок – людей в последний путь отправляете. Грязное, казалось бы дело – набить 80 кубометров трупами. Но нихрена! Достойное и благородное дело, именно сейчас необходимое, к сожалению, как никогда. Иначе докатимся до скотства: – «на кладбище нищий дрищет». Живые и мертвые – но люди! Прежде всего – люди. И будем оставаться людьми. Кстати, пару ящиков водки я вам еще привез, закуски только нет, но сейчас не до закуски. Погрузку закончите, вылезете из этих химгандонов, всполоснете руки-морды – и в центр, в райповское кафе, вас до отвала накормят макаронами по-флотски. Там сейчас всех кормят денно и ночью, и водки наливают. Помяните покинувших этот мир. Но в меру.

Мужики согласно покивали головами – да, дескать, все понимаем. Притаптывая окурки, встали и двинулись на погрузку.

– Круто сказано! А ты раньше некрологи сочинять не пробовал? – спросил его Саныч, директор ритуального агентства «Ангел», приглашенный в качестве погребального консультанта.

– Рука не поднималась.

– А напрасно. Умершим на последнюю дорожку очень важно правильно сказанное слово, куда как важнее, чем живым. Потому что живые еще могут успеть сказать свое, а покойники уже молчат. За них живые должны говорить. Не врать, а четко обозначить пройденный жизненный путь. Я по должности своей много чего на могилах наслушался, напыщенные слова стелются, елей и патока растекаются, а вдумаясь – жил человек грешно и помер смешно.

– Помню, меня как-то прорвало на похоронах отца, сказал правду, когда собравшиеся откровенный междусобойный митинг устроили, пафос рассыпали да попутно себя выпячивали. Многие обиделись. Но потом разошлись, чтоб свое доживать. Народу же как нравится? Чтоб жизнь прожить да поле обосрать. И чтоб обосрать сытно, пышно, дорого-богато. Оставив загаженное поле.

Заехали к Санычу в агентство «Ангел», где плотник Витька по прозвищу «Прости-прощай» как раз завершал сооружение могучего размашистого креста. Сергей попросил к кресту еще сделать табличку с надписью: « 1027 человек. Встретились в Пути со Смертью». Через час все было готово.

Двинулись в сторону карьера, где оборудовали общую могилу. По пути завернули за православным священником батюшкой Антонием и старостой единоверческой старообрядческой церкви Константинычем – оказалось, что старообрядческий батюшка пару недель назад выехал крестить и венчать прихожан Шалинского района и до сих пор не вернулся. У старообрядцев

сильны традиции наставничества, потому Никодим Константиныч мог принять участие в отпевании, хотя, конечно, рукоположен не был и никаких прав особых не имел. Отец Антоний прихватил с собой трех бабулек-певчих, чтобы обряд был правильней и качественней. На место общего погребения приехали как раз в тот момент, когда тягач спячивал фургон в траншею, должную стать огромной могилой.

– Вы уж поймите, что нет возможности хоронить людей в земле освященной, как нет и возможности разделить усопших по религиозной принадлежности, – пояснил Сергей священникам. – Никто из нас не знает, от чего случилась гибель, мы видим лишь факт – вот эта фура, полная покойников. Не знаем, что за болезнь, что за напасть, неизвестно, чем это в будущем нам аукнется, но знаем то, что похоронить людей нужно. И не нам их делить на православных и правоверных, потому как младенцы, рожденные в христианских или мусульманских семьях, не спрашивали у родителей насчет их религии. Принимали ту, в которую верили старшие, отцы и деды. Проводим их в последний путь так, как можем. А Бог пусть рассудит...

Духовные отцы согласно кивнули. Тягач, затолкав фургон в траншею, отцепил свой мрачный груз. Прострелили колеса и фура осела. Священнослужители начали службу. Дымок из кадила заструился, запахло ладаном. «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас», – затянули старушки из притча. Эскаваторы-бульдозеры, опустив лопаты, начали сталкивать на фуру вынутый ранее из траншеи грунт, преимущественно крупный желтый песчаник. Через полчаса фура, ставшая последним прибежищем для тысячи человек, была засыпана щебнем. Эскаваторы собрали на месте захоронения вполне аккуратный холм.

Саныч и Сергей поддерживали крепкий сосновый крест, пока Витька «Прости-прощай» укреплял его на могиле, обкладывая основание здоровенными двухпудовыми плитами. Затем он произнес вердикт «Выстоит!» и истово перекрестился. Плотник взял шуруповерт и осторожно прикрепил к кресту толком еще не высохшую табличку.

Обошли огромную могилу, поклонились, перекрестились. «Иисус с вами!», – сказал отец Антоний. «С вами Иисус!», – произнес наставник Никодим Константиныч, осенив могилу двумя перстами. Споров о верности вероисповеданий промеж христиан не случилось – Константин просто пригласил участников похорон в трапезную единоверческой церкви помянуть упокоенных. Отец Антоний, сославшись, что нужно отпилотировать по домам певчих бабулек, попутно попросив у Сергея «на память» АК-74, отбыл в Арти на своей «Шниве». Витька «Прости-прощай» с парнями из «Ангела» решили вернуться в агентство, прихватив с собой ящик водки и парней-эскаваторщиков. Технику решили перегнать завтра. Ибо смеркалось.

Саныч, Сергей, Никодим Константиныч и подъехавший к завершению похорон Александр решили все же посидеть и умерших помянуть, как по русскому обычаю положено. Александр с Сергеем подсказали Константинычу, что курящим в трапезной будет несколько неудобно, в любом случае придется за ограду церкви выходить, и предложили расположиться где-нибудь на берегу Уфы. На том и порешили.

Никодим Константиныч, как лицо практически духовное, решил съездить за пирогами, капусткой и другими надобностями, а оставшихся на берегу лиц мирских обязал пожарче разжечь костер, чтоб уютней было. И, «коль так уж дело пошло», напористо выклянчил у Сергея пару пригоршней патронов к РПК, «гляжу, валяется этот ручник в твоей „Ниве“ в багажнике, а у меня как раз добрый старый карабинчик КО-44 под стандартный винтовочный 7,62X54, так отчего ж и не поделиться?». Сергей, конечно, поделился – Судный День встречать нужно во всеоружии. Особенно духовным лицам.

*10 – В Артях с 2011 года постоянно и традиционно в июле на Петров день (традиционное начало покосов на Руси) проводится Международный Турнир косарей. Собираются не менее полусотни участников – мастеров косьбы из России, Азии и Европы. За ристалищем наблюдают более пяти тысяч зрителей. Красивое и азартное соревнование.

Глава 9

Беседы Судного Дня

*Свердловская область, Артинский район, село Пристань, берег реки Уфа
Октябрь 2020 г.*

Загустели сумерки. Костер разгорался споро и бойко – расположились на крутом берегу, облюбованном как заезжими туристами, так и местными любителями пикничков на обочине. Пикникующие ранее господа вдоволь оставили сухих колотых дров, потому развести огонь оказалось делом трех минут. Порылись по багажникам авто и извлекли не только треноги с котелками, но и складные стульчаки со столом. Даже навес брезентовый натянули, чтоб осенний ветерок утихомирить. Сказалась, так сказать, сноровка вкупе с упругим жизненным опытом.

На берегу обнаружили заботливо выкопанные в суглинке ступеньки – оборудованный спуск к реке. Освежились-ополоснулись, смыли с рук запах тлена и разложения, набрали воды в котелок, чаек сгоношили. Уфимская водица бодро закипела ключом, бросили в кипяток полпачки заварки – чтоб душу встряхнуть. Прикрыли крышкой, чтоб чаек нагрел и раздухарился.

Сергей извлек из машины чекушечку коньячку.

– Давайте, пока ждем Костица, для сугрева, чисто по-русски, слегка взгрогнем. От термина «грог». Хотя, в общем-то, изобретение этого утепляющего состава приписывают английскому адмиралу Эдварду Вернеру, который будто бы имел привычку бродить по палубе в штормовой накидке системы «грогрем». Эти империалисты-англичане, будучи великой морской державой, дело знали туго и умели со штормами бороться. И англичане ром уважали, даже якобы выпили ром, в котором содержалось тело одноглазого адмирала Нельсона. Тело извлекли, а морячки быстренько ром, в котором покойника замариновали, распили-оприходовали. Такие вот были мерзавцы! Поэтому, вероятно, в целях профилактики ром им выдавали только вперемешку с водой. И вот этот самый адмирал Вернер, стоит предположить, спустившись как-то с клотика и поблуждав по промозглым корабельным надстройкам, решил рационализировать порционный настой. И вместо воды употребил необыкновенно крепкий и сладкий чай. Оттого и получил душевное равновесие. Рецепт поимел распространение. А порция – традицию. Стакан и только. Вот не знаю какой, но, наверное, никак не меньше нашего гране-ныча. Но лишний стакан этого напитка англичан якобы сразу с ног валил. Но мы ж не англичане и чисто только для пользы организма.

И разлил фляжку по кружкам, слегка разбавив коньяк ароматным, с терпким запахом дымка, чайком. Выпили. И тепло плеснулось по телу.

А тут как раз и Никодим Константиныч приехал, вытащил из багажника две корзины со снедью. И продемонстрировал антикварную четверть самогона, которую тут же начали разливать по кружкам, попутно раскладывая изъятые из корзин пироги рыбные, пироги капустные, сальцо с лучком-чесночком и яйца домашние вареные, а также яблочки доморощенные. И вновь подняли кружки, выпили за упокой. И приступили к трапезе.

– И вот, думаю, будут у нас скоро проблемы с яйцами, – проронил Никодим Константиныч, пополам разрезав финкой облупленное яичко, посыпав его солью.

– О чем ты, Костиц, и про какие яйца-то глаголешь? – враз осклабились все.

– Не про те, что вы, грешники, сдуру поминаете все, а вот про эти самые, что курочки несут. Или несли. Потому что у нас, на Приistani, у многих несушки передохли, враз и сразу по дюжине. Остались только старые боевые кочета, которые борозды не портят, как известно, да курицы, что своей век доживали, а в суп еще не попали. А покупные яйца, сами понимаете, нам сейчас никто уж и не привезет. Да и не только куры перемерли, еще и гуси очоурились, поросята пропали, а в Комарово, вот, так сорок овец высокопородистых, летом нынешним завезенных, потеряли. Говорил я с ветеринаршей Оксаной, да не знает она ничего, и анализы

сделать не может – негде сейчас, все ветеринарное хозяйство в Первоуральске было. А какой там нынче может быть анализ? У соседа моего Ефимыча щенок помер, алабай, здоровенный уже, за большие деньги сосед его в Перми купил. Резвый был щенок и жрал, как прорва, прыгал-прыгал по двору и вдруг помер. Так что не только людей этот мор коснулся.

– Кстати, вчера на посту ГИБДД в Дружинино паренек-гаишник тоже рассказывал, что у его отца кони померли. Хотел, говорит, коней развести, чтоб для потехи катать зевак в парке Оленьи Ручьи, купил где-то красавцев, привез и только подружились с коняшками, а они и погибли. Две кобылки и жеребец. А насчет мора – нижнесергинцы на посту пытались было карантин устроить, пару дней, что с Екатеринбурга выживших, не пропускали, пока те автоматы-пулеметы не продемонстрировали, а потом до них дошло, что зараза людей очень выборочно шадит. И тот, кто сейчас живой, – тот уже не помрет. По крайней мере – от заразы, – добавил Александр.

– Ну да, тот РПК, что у меня в багажнике, там как раз и поучаствовал: зять Мишка догадался заехать в военгородок на Вторчермете, немного там прибарахлился, – сообщил Сергей. – Грузовичок фиатовский – штука вместительная. Но самое странное, что нижнесергинцы своих сразу пропускали, про заразу как про грипп обычный думали – если свои да в маске, то порядок, таблеток попьет да прочихается. А тех, кто родом с Артей, Красноуфимска, Бисерти или башкиры – вот тех тормозили. Сутки народ мариновали. А люди и без того в шоке и на нервах. Мишка рассказывал: как подъехали к посту, а там машин двести стоит, и все машины с живыми, с детьми и женщинами, не так, как мертвые автомобили на трассе. Обрадовались – живые все же. А живые люди ждут, когда их пропустят, матерятся и костры из покрышек жгут. И не только жгут, но и автоматы с карабинами расчехляют. Ну и Мишка подсуетился, открыл свой кузов. Паренек-то, который гаишник, на посту вчера весьма виновато себя вел. Но, видимо, про карантин приказано кем-то было. Знать, есть какая-то власть, которая приказывает карантины организовывать. И, похоже, – началось местничество...

– Природа людей такая – делить и распределять. И на этом распределении паразитировать. Мне вот думается, что сама природа взбунтовалась против человеческого паразитизма. И решила освободиться от паразитов, сбросить с себя всех чохом. Как блох пакостных. Только вот нас почему-то помиловала, – сказал Александр, манипулируя четвертью над кружками. – Кстати, пора бы и фонарик засветить, а то маловато света от костра, а темнота сгущается. В кружку хрен попадешь!

– Зачем нам в кружку хрен, в кружку напиток добрый лей. Чтоб утрюмость отгоняло. А вот сейчас выпьем, закусим, и расскажу я вам насчет людской породы, – приподнял кружку Никодим Константинович. – За добрых людей!

Выпили, закусили, вспомнили про чай, который пришлось уже слегка и на костре подогреть. Заодно и костерок разворошили, дровишек подкинули, чтоб горел ярче, коль уж небо безлунное и беззвездное. Отхлебывая чай из кружки и отмахиваясь от зловредного никонианского дымка собеседников-табачников, Никодим Константинович откашлялся и начал:

– Долгим, наверное, рассказ мой будет. Потому в кружки сами подливайте да и меня не забывайте, чтоб в глотке не пересыхало. Мне уж слегка за семьдесят лет исполнилось, потому не обессудьте, если бражничать за вами не успеваю и меру свою блюду. А расскажу я вот про такое дело – недавно еще народ праздновал столетие гражданской войны, кошунственно праздновал, конечно, но многим невдомек было, что гражданская война на нашей земле уж тристо лет идет. Сам я родом не с Пристани, предки у меня – казаки-«некрасовцы», что после Никона под султана турецкого ушли. Ушли не от Руси, а от антихриста. Подальше от лукавого «добротного царя». Да и вся династия Романовых для старообрядцев была династией антихриста – раскол, то есть ревизия веры православной, началась практически вскоре после заступления на престол первого Романова – Михаила. А оперились преобразователи русской церкви при его сыне Алексее да внуке Петре, прозванным Великим. Так случилась одна из масштабнейших

трагедий Руси – разделение единого было народа на правых и левых. Все тогда считали себя правыми, а кому-то просто так удобней и выгодней жить было. Несогласные с никонианскими нововведениями уходили в земли, неведомые досель. Дошли до Урала. Другие пошли дальше, в Сибирь. Жили так, как повелось в семье. Такова вера. И не след постороннему в душу старообрядческую лезти. Старообрядцы свои беды и тревоги несут Богу, а отнюдь не властям земным. И вот эти триста лет российской трагедии зря не прошли.

Принято нынче говорить, что, затеяв революцию, Русь упустила свой великодержавный шанс. Но, вернее, я считаю, будет так – свой шанс стать сверхэкономической державой российская империя потеряла в конце девятнадцатого века, когда столичные властные круги впустили в деловой российский мир так любимых ныне «зарубежных инвесторов». Иноплеменная братва взятками да искусными интригами потеснила кондовых, истово верящих на слово, промышленников – старообрядцев. А старообрядческий капитал в те времена в России главенствовал. Купцы-кержаки не лебезили перед властью, честь имели, веру блюли и если давали на лапу, то деньгами. Иноземцы давали чиновникам долю в деле. За то царедворцы и царедомчадцы продали страну по дешевке. Потом все, как по Марксу.

Старообрядцы были и есть независимы. А независимость – это право сильных. Они мешали. Мешали их общины, в которых никогда не бросали попавших в беду. Эти общины не только содержали школы, но и в короткий срок могли собрать и передать в доверительное управление крупные суммы денег. Жили откровенным «общаком». Выбирали самых умных и предприимчивых и помогали им, чем могли. Выбившись в люди, те продолжали опираться на общину и возвращали сторицей долги свои перед единоверцами.

Для официальной истории уральское старообрядчество почти сплошное белое пятно. На поверхности – громкие купеческие имена староверов, миллионные сделки, независимость от царского правительства и роскошные подарки императорским чиновникам. А дальше – потаенная жизнь скитов, деревень, сел, городов. Жизнь по другим законам, по иным правилам, по скрытым от чужого глаза обычаям... Почти три века такой жизни создали свою, отличную от общероссийской, культуру. По понятиям жили староверы, по своим понятиям.

И вот Россия, взметнувшаяся экономически под занавес века девятнадцатого, в начале века двадцатого под чутким вниманием Николая Романова начала к вящей радости иноземцев смердеть. Уже в то время случился очередной исход староверов от лукавых никониан и слуг антихриста. На уральской земле много деревень, куда приходили поселяне, обживались, строились, корчевали лес и кормились хоть не густо, но ладно. Умели работать и работы не чурались.

Но начался Судный день. Как и было предсказано. И не один день длился он, в целый век. Началось все с гибели деревень. Про все деревни не расскажешь, но расскажу, как умирала старообрядческая деревня Бочкари. На ваших глазах умирала – последний дом вывез в 1969 из деревни Давыд Бессонов – потомок основателя деревни Филиппа, оставившего свое имя на Филипповой горе, что по дороге на деревню Волково. Трагедия Бочкарей – это и трагедия каждого жителя деревни, и трагедия России, потерявшей со смертью малых деревень невосполнимый пласт духовной жизни русского крестьянства. Каждая из деревень была самобытна, индивидуальна и самостоятельна. Поэтому и погибли эти деревни, не вписавшиеся в программы, директивы, кампании и решения пленумов исторических съездов. Не вписалась в марксизм и деревня Бочкари.

Когда появилась эта деревня – неведомо. Даты основания выселка Бочкари в архивах не нашли: в 1875 году в списках населенных мест Пермской губернии не значится, а по спискам за 1904 год выселок Бочкари появился. По спискам в Бочкарях – 14 дворов, население – русские, бывшие государственные крестьяне, всего населения – 105 человек, 52 мужчин и 53 женщины.

Народ, населявший Бочкари, был своеобразным. Большинство – прямые и косвенные родственники: по легенде старожилов-бочкаринов, деревню основали две родственные семьи – зятя и шурина, ревнители «древлей веры», бежавшие от гонителей веры с северных российских губерний. И женились парни больше на невестах из своей деревни. Деревня жила замкнуто – на купленных у богатых марийцев и башкир землях хлеборобствовали и пасли скот. Деревня обеспечивала себя крестьянским трудом.

И жили в Бочкарях люди талантливые и даровитые, те люди, которых не хватало потом на просторной заросшей сосенками бывшей российской пашне. Обо всех не расскажешь, но все они – одного поля ягода, одной деревни жители. Деревни, которой не стало.

Потомок основателя Бочкарей Филиппа – Фирс Бессонов – славился трудолюбием и хозяйской сметкой. Жила его семья полностью на натуральном хозяйстве, были в семье и кузница, дававшая побочный небольшой доход, и знаменитый по всей артинской округе сад. В саду росло все, что только может на уральских землях. В саду поспевали не только ягоды, но и яблоки разных сортов. Управляющий Артинским заводом, бывало, приезжал в Бочкари с семьей, гулял по саду и имел право сорвать с ветки любое понравившееся яблоко. О саде Фирса Елисеевича остались лишь память да сорт местных уральских яблонь «фирсовский», который, как сказано в книге «Садоводство Урала», давно уж антикварной, выпущенной в 1966 году, «размножается опытниками отделением прикорневой поросли от маточного дерева в районе Красноуфимского куста».

Как воспринял рачительный бочкаринский крестьянин Фирс революцию – неизвестно, но революции – революциями, власть – властью, а крестьянин – он и есть крестьянин. Фирс Елисеевич взял да и развел после революции красный пермский клевер. Семена этого клевера тогда были дорогие, вот он и сделал деньги.

Удачное ведение хозяйства принесло в семью достаток, но Фирс Елисеевич останавливаться на этом не стал, а подумал и послал в 1923 году в Москву на первую Всероссийскую сельскохозяйственную выставку двух своих взрослых сыновей за поиском чего-нибудь нового, что в сельском труде сгодится. Дал старшему сыну наказ: «Иван, попадет что – бери, денег не хватит – бери в долг – рассчитаемся». Иван взял не что попадая, а трактор «Фордзон», в долг, под те же семена клевера. Когда трактор из Красноуфимска пригнал первый районный тракторист поляк Пилец, фурур был похлеще, чем тогда, когда первый спутник в космос запустили.

Артинские старожилы долго еще помнили этот трактор – и как пугал окрестный народ шум двигателя, и как Фирс, освоившийся с техникой, приезжал на тракторе, привязав к трактору конскую телегу, на базар в Арти. Так что, как бы не трубили историки от компартии о тяжелой жизни единоличника, но первый трактор в Артях был частный.

Технику Фирс Елисеевич любил и активно внедрял ее в размеренный бочкаринский быт. Активно экспериментировал и с новыми сортами, и с обработкой земли. К прогрессу крестьянин из Бочкарей пришел самоучком, с минимумом учебы, но все это, одобренное природной сметкой и хваткой, давало свои плоды – дела хозяйства шли в гору. Обходились минимумом рабочих рук – только свои, семейные, найм только по нужде, по сезону. Сам работал и людей не жалел, снохи обижались – «загнал на работе». Имел Фирс Елисеевич крутой нрав – правду говорил в глаза, невзирая на чин и должность. Но говорил именно правду – многие ходили к нему на совет. За резкое слово на него не сердились – за тем и шли. Хоть прям и резок был, но отходчив и справедлив. Прямота, видимо, его и сгубила.

Покуда в Бочкари медленно, но верно подтягивалось наступление на крестьянство диктатуры пролетариата, хозяйство Фирса Елисеевича росло, появлялись новые сельхозмашины, трактор зимой работал на мельнице. Сын Иван стал трактористом. Старшим сыновьям Фирс Елисеевич построил дома рядом со своим домом. Почуввав неладное в крестьянской государственной политике, начал раздел хозяйства, поменял в 1928 году трактор на сруб дома в Волковской коммуне. Тут подоспели лихие времена раскулачивания. Каким образом Фирс Ели-

сеевич попал под раскулачивание – неясно, но родственники говорят о следующей версии. В Бочкарях к тому времени образовался колхоз, собрали скот, инвентарь, разместить было негде – вот и решили воспользоваться домом Фирса Елисеевича. А может, просто под разнарядку попал крестьянин – экспериментатор. Особой роскошью дом Бессонова не отличался – доходы хозяйства уходили на развитие, а сама семья жила ничуть не лучше соседей – та же домотканая одежда, та же пища на столе. Попал под раскулачивание и младший сын Фирса Прокопий. Он только что женился, оставался в доме отца, и вместе с отцом был сослан в Сибирь.

Погнали крестьян на освоение Сибири. Выжившие до сих пор вспоминают собор в Тобольске, где собирали семьи раскулаченных – многие были с детьми – холод, болезни – дети погибали. А дальше – по Оби на баржах, в лес с топором да пилой – «осваивай Сибирь, эксплуататор деревенского пролетариата». Построили поселок Ростошь. Жительница Артей Анна Ивановна Ставинская, попавшая под раскулачивание в шестилетнем возрасте, жила с семьей Фирса Елисеевича в одном доме через стенку, вспоминает о нем как о высоком, крепком старике, который и в высылке оставался верным себе. Жил правильно, по-семейски. И в Сибири настигли уральского крестьянина длинные руки «диктатуры пролетариата» – в 1937 году обвинен по ложному доносу и расстрелян.

Так был уничтожен крепкий уральский крестьянин, вырублен корень, давший побег целому роду Бессоновых. Разрушен дом Фирса Елисеевича, который был впоследствии школой, а преподавал в этой школе учитель Никита Бессонов, внук Фирса, сын тракториста Ивана. Вырублен и загублен знаменитый сад Фирса, исчезла и деревня Бочкари.

Деревня без людей долго не стоит. В каждой деревне всегда был свой корень, самый уважаемый и хозяйственный мужик, никем не назначаемый деревенский голова. Такие головы оказались не нужны, а потом ненужными, бесперспективными стали деревни. Погиб Фирс, погибла деревня Бочкари. Земля, возделанная и распаханная, перспективу потеряла. Стала не востребовавшей, как чиновники говаривали.

И вот здесь, на реке Уфе, где вольготно плещется рыба, повторю я вам слова древнего мудрого старца: «Пища же различным рыбам определена различная, по роду каждой. Одни питаются илом, другие поростами, иные довольствуются травами, растущими в воде, большая же часть пожирает друг друга, и меньшая из них служит пищею большей. Иногда случается, что овладевшая меньшею себя делается добычею другой, и обе переходят в одно чрево последней. Что же иное делаем и мы люди, угнетая низших? Чем различается от сей последней рыбы, кто по ненасытому богатолобию во всепоглощающие недра своего лихоимства сокрывает бессильных? Он овладел достоянием нищего, а ты, уловив его самого, сделал частью своего стяжания. Ты оказался несправедливее несправедливых и любостяжательнее любостяжательного. Смотри, чтобы и тебя не постиг одинаковый конец с рыбами – уда, верша или сеть. Без сомнения же и мы, совершив много неправд, не избегнем последнего наказания».

Шло стяжательство, гремела неправда, плелись сатанинские сети, как и было сказано. Вот так, повсеместно и исповдоль, гремела поганая антихристова поступь, шуршали страницы Судного дня, но старообрядцы верили и молились, не сомневались в великой силе общинного житья. Отстояв за долгие века право на свою веру, на свой жизненный уклад и устои, продолжали и продолжают возносить свою молитву Богу за Святую Русь, процветание ее и победу над темными силами. И, быть может, отмолили то, что сумели отмолить. Потому мы и живы, и правим сейчас тризну на этом крутом уфимском берегу за тех, кого отмолить не сумели. Пусть мир и покой будет усопшим, – завершил свой опус Никодим Константинович и поднял кружку. – Земля им пухом!

– Крепка и честна молитва старой веры. А потому решил я, – продолжил Никодим Константинович, – дождусь, когда в приход священник наш вернется, отец Иоанн, – а он обяза-

тельно вернется, и направлюсь я в Сибирь, в Минусинск. К братьям нашим. Узнать и проверить. Для того уж и машину боевую приготовил, и прицеп возьму, а на него добрый снегоход поставлю, если зима ранняя случится, то на нем буду добираться. Семья моя согласна, потому что это наше дело, семейское.

Подбросили еще дровишек в костерок и сидели, слушали как журчит по перекату река. Сидели тихо, каждый думал о своем, потому что было над чем задуматься-поразмышлять.

– Ни пуха не пера тебе в дороге, Костич! – сказал Сергей. – А снегоход-то тебе зачем с собой волоочь, найдешь по пути. Впрочем, не мне тебя учить. И огромное спасибо за проповедь, прямо-таки лекция философическая, да под закуску замечательную. Про выпивку и не говорю. Вот смотрю я, как и ты, на реку и вспомнился простенький такой стишок:

– Люблю я летом с удочкой

Над речкою сидеть...

Его Николай Пастухов, бывший кабатчик, написал как раз в середине девятнадцатого века, раз уж про дела вековой давности вспоминаем. И опубликовал в сборнике «Стихотворения из питейного быта». Поднялся от питейного откупщика до миллионера, газету издавал и очень удачно. Интересный был человек, очень рыбалку уважал. Но именно на рыбалке с ним такая трагедия приключилась: убил пацанчика. Деревенские детки купались там или кричали как-то громко, а он в лодке на реке сидел с удочкой. Вытащил револьвер, думал, что не заряжен и решил испугать, нажал на курок да и выстрелил в сторону детей. Убил мальчонку. Жестоко, говорят, после раскаивался, старался вину загладить, дал несколько тысяч рублей семье погибшего ребенка, поставил на могиле мальчика мраморный памятник, внес в земскую управу изрядную сумму на учреждение школы в память убитого. От суда и следствия откупился. Но мать погибшего мальчонки миллионера Пастухова не простила, более того – прокляла его. Проклятие матери оказалось сильнее всяких денег: уже взрослые дети Пастухова – дочь и сын – через девять месяцев после гибели деревенского паренька умерли от болезней в муках. Быть может – и все мы ими, невинно убиенными, проклятые?

– Историк тот, кто старое помянет, истерик тот, кто старому неймет, – по-доброму грустно усмехнулся Никодим Константинович.

Помолчали. Слишком уж тема серьезная, пусть и своевременная, но очень даже не ночная, в разговоре всплыла. Выпили еще на дорожку, собрались, свернули стойбище, костер потушили, руки накрепко друг другу стиснули и разъехались. На берегу осталась темнота.

Глава 10

БЕСПРОБУДНАЯ ТИШИНА

*Башкирия, г. Уфа – Мечетлинский район, село Большеустьикинское
Октябрь 2020 г.*

– Живы дети, только дети, – Мы мертвы, давно мертвы. – Смерть шатается на свете...
Уважаю тезку моего Сологуба, – заявил Федор. И хлебнул из коньячной чекушки.

– Не трави душу, кончился «Серебряный век», все кончилось, – сказал Андрей, объезжая перегородившую трассу фуру.

– Раньше говорили, что человек черствеет, постоянно находясь рядом со смертью. А я всегда считал, что человек черствеет от телевизора. Телевизор – вот самое жуткое доказательство загробной жизни: включил его – люди ходят, чего-то говорят, выключил – и все они умерли. Снова включил – а там уже другие ожили и снова изображают жизнь, – продолжил Федор и снова отхлебнул. Достал из кармана очередной шоколадный батончик, хрустнул оберткой и зажевал. – Человеку не нужно было жить, ему достаточно было смотреть жизнь по телевизору. А сейчас нам с тобой приходится жить. Когда нет телевизора и все умерли.

Андрей не прочь был чего-нибудь перекусить, но только не шоколад – лет этак пять назад у него обнаружился диабет, пусть и в достаточной легкой форме, без инъекций, но с обязательными таблетками и диетой. Таблетками запаслись в одной из аптек, но Андрей их почему-то не принимал. При этом чувствовал себя довольно бодро. И решил, что таков результат непереносимого стресса, реакция организма на все случившееся. Хотя от шоколада напрочь отказывался. Потому что отвык.

– Федя, ты поройся там и сделай мне какой-нибудь бутербродик, лучше с сыром – чего-то с души воротит от этих навороченных сервелатов, – попросил Андрей. – Так-то бы остановиться спокойно и закусить по-человечески, но трасса пока свободна, без хлама, и если едем – то едем...

Федор выщелкнул вороненый складень – добычу в очередном магазине про охоту-рыбалку – и зарылся в сумке с продуктами, набранными в дорогу. Начал создавать перекус.

Из Казани они решили ехать через Уфу, где было покойно, как на погосте. На улицах не столь уж и много трупов, проспекты не забиты разгромленными автомобилями, город фактически не горел – электричество явно было отключено заблаговременно. Вероятно, башкирские власти, как и руководство Татарстана, вовремя приказали всем оставаться по домам, где законопослушное население и осталось. Навсегда.

В Уфе задержались на пару дней. Обосновались опять же в небольшом отеле в центре города, где было всего лишь три мертвых постояльца и труп блондинки на рецепшене. Бродили по городу, набрали два ведра ювелирных изделий, которые потом оставили в багажнике «Патриота», от которого Андрей решил отказаться. Пересели на белый лендровер. Потому что Андрей решил экспроприировать сразу два прицепа, один загрузил квадроциклом, а ему еще прикрепил двухосный прицепик с аэросанями-амфибией «Патруль». На лендровере стояла резина-липучка, и Андрей решил, что экипировался для всех вероятных ситуаций. Жизненных ситуаций – именно жизненных.

«Патруль» напоминал чудо мини-авиатехники, но движок у него потреблял обыкновенный бензин, что и послужило аргументом для выбора. Догрузились дизель-генератором и парой бочек соляры – это уж на самый пожарный случай. Свежая практика показала, что с топливом проблем нет. Есть проблемы с помпами для перекачки. Поэтому прихватили две разномастных помпы.

Вечером сидели в буфете отельчика. Федор, несколько раз тщательно протирая очки, чистил невесть откуда-то взявшийся у него «Глок 17», систематически подливая в бокал виски. Андрей соорудил походную кухонку из газовой туристической горелки и подогревал всякие

полуфабрикаты. Поели, в осенних сумерках зажгли яркий газовый светильник, «замутили» кофе в медной турке. Подождав, пока напиток вскипит до пенки три раза, Андрей прикрыл емкость блюдцем, чтоб «взопрело». Так и отужинали.

Разговаривать не хотелось – было не скучно, но очень тоскливо. Федор разогнал тоску очередной порцией вискаря и решил спать прямо в баре на диванчике, укрывшись пледом. Андрей пару часов смотрел на мертвый город, поглощаемый ночью, затем убрал полуфабрикатные упаковки со стола и ушел спать.

Утром, чуть свет, двинулись в путь. На Арти, на историческую родину. Почему именно туда – ни Андрей, ни Федор обозначить не смогли. Андрей вспомнил поговорку «Где родился – там и пригодился», а Федор с ним согласился.

Ехали без спешки – получившийся автопоезд был не особо маневренным, а «перевертышей» на трассе хватало. Села и деревни, удручали гибелью – у домов вздувшиеся туши лошадей и коров, на полянках мертвые гуси. Поближе к вечеру свернули в очередное село и притормозили у здания, на котором болтался флаг. Решили, что так будет лучше и, проверив контору, которая оказалась сельской управой, трупов не обнаружили. Там и определились на ночлег. Пока Андрей вытаскивал походные пожитки-спальники, Федор прошелся по окрестностям. Вернулся недовольным:

– Хотел в колодце воду набрать, чтоб ополоснуться, а там собака дохлая... Обошел несколько домов – мертвячина повсюду. И даже крысы окоchureлись, во дворе десяток лежит, здоровенных... Набрал вот ведро картошки-моркови, лучка-чесночка, пробовал открывать холодильники – но там уже все пропало. Потому «велкам тушонка»! Но воду набрал в баньке, в колоде. Вроде как чистая. Кстати, можно бы и баньку истопить, помыться-попариться. Банька небольшая, ладная, быстро истопится, а рядом бочка с дождевой водой, Ополоснуться вдоволь хватит.

Баньку решили истопить. Полыхнули в каменке мелкие сосновые чурочки, переложенные берестой, а потом и сухонькие березовые поленья. За час банька налилась малиновым жаром. Федор запарил парочку березовых и парочку пихтовых веников, обнаруженных в дощатом предбаннике. Бывшие хозяева баньки явно ценили жар и быстроту нагрева, а склонностью к околбанному заседанию не страдали.

Поскольку париться пошли уже затемно, то вооружились фонарями. И не только – у Федора в кобуре торчал пистолет. Андрей спросил:

– А в баню-то тебе ствол зачем?

– Да привычка такая случилась...

– И даже сейчас, когда вокруг никого?

– А сейчас – тем более, – ответил Федор, снимая очки с толстенными линзами и привычно протирая их подолом футболки.

Федор скинул барахлишко-неглиже, согнулся пополам и ворвался в парилку. Плюхнулся на пол, киданул на камни полковничка березово-пихтового настоя от веников и банька шарахнула неистовым жаром, даже волосы от стремительного пара взвихрились-закурчавились. В баню ворвался Андрей и аж взвыл от неумолимого экстрима:

– Да погоди ты, не мечи, дай хоть чуток адаптироваться!

– В аду адаптироваться будем!

– Ад уже здесь Федор, ад внутри нас...

– И вот мы его и вышибем! Ложись и стисни зубья!

Андрей растянулся на полке, а Федор, нещадно поддав парку, вытащил из жестяной шайки пару веничков и взмахнул ими над каменкой. Камни вновь зашипели, исторгая пар. Прогрев веники, Федор начал помахивать ими над Андреем. Тот заскрипел челюстями – палило жутко. И лишь только Андрей начал было привыкать к жару невероятному, как Федор сурово начал охаживать его двумя вениками сразу. Андрей терпел минуты полторы, а затем

с воплем «Ну ты маньяк!» выскочил из бани. Чуток постоял в предбаннике, пытаясь отдышаться, затем обреченно схватил ведро, набрал воды из бочки и опрокинул на темечко. Выстуженная осенью вода дала возможность слегка отдышаться. Из бани неслись матюки с уханьями и перехлест веников. Открылась дверь, удар пара выбросил красное, облепленное иголочками-листочками багровое и длинное тело Федора. Федор выхватил у Андрея ведро, кинулся к бочке и начал кидать на себя воду. Сел на лавку в предбаннике и начал отдуваться.

– Ну ты, Федя, мизерабль! – натужно, но достаточно громко прошептал Андрей.

– Сам, бля, мизерабль, бля, – ответил Федор. – Я, скорее, мизантроп. Ну, как-то всегда мне было одному душевно комфортней. А люди были для меня или собутыльниками, или подельниками. Ну, дам не считаю.... Вот всегда мне хотелось жить одному, в какой-нибудь избушке, в глубине леса. Но чтоб цивилизация слегка была в режиме унитаза. Хотелось – но не получалось. Да я и не стремился. А сейчас вот как все обернулось.

Федор выудил из заготовленной бадейки с ледяной водой чекушку водки, вскрыл и засосал ее прямо из горла. – А сейчас продолжим!

Парились час с лишним, пока не выжали весь жар. Помылись-ополоснулись, вскрыли хрусткие пакеты с трусами-носками-футболками, облоклись, и высвечивая фонарями тропинку, вернулись в сельскую контору. Пока топилась банька, Федор заботливо натаскал из стожка на ближнем огороде несколько охапок сена. На них развернули коврики-спальники. Упали на постель и неожиданно для себя почували умиротворение.

– Пусть и тишина мертвая, а какой-то покой на душе. Странно, но спокойно. Одурающе спокойно, аж тревожит... – проронил Андрей.

– Вот всяко представлял я себе душевный комфорт, но только не таким, – продолжил Федор. – Тишина какая-то невероятная, даже вороны не каркают. И петухи деревенские нас не разбудят. Потому что сдохли. Наверное, покойники так же все ощущают. Беспробудную тишину....

Федор закурил, затем отвинтил колпачок со стеклянной фляжки коньяка и сделал добрый глоток. Враз и на полфляжечки. Закусил пластом заветренной грудинки.

– Самое странное, что пью бесконечно, а похмелья у меня нет. Или трезветь не успеваю? Тихой спокойной ночи, друг и соратник!

Утром проснулись, чуть свет забрезжил, позавтракали чайком-коньяком, похрустели печеньками – шоколадками и двинулись в путь. Пробирались по трассе еще пару часов. Подъезжая к свороту на село Большеустыйкинское, увидели в поле табунок лошадей. Лошади были стреножены и паслись, позвякивая колокольцами.

– Федя! Дичь! Федя! Живность!!! – дико закричал Андрей.

– И не только, – тихо сказал Федя. – Вперед глянь-ка...

За указателем «Большеустыйкинское» в кучу были свалены мешки, слегка напоминающие легкий блокпост баррикадного свойства. Вдоль мешков, попыхивая сигаркой, прошаживался мужик в камуфляжной одежде с автоматом на плече.

Глава 11

Мизантроп в Карагае

*Башкирия. Мечетлинский район, с. Больше-Устикинское. Санаторий «Карагай»
Октябрь, 2020 г.*

– И вы вправду из Москвы? – спросил Равиль. – И что там?

– Все также – ничего, – ответил Андрей. – В Казани ничего, в Уфе ничего, везде уже ничего. А здесь – все в порядке, даже стреляют...

– Это наши власть третий день делят, а стреляют в воздух. Зеленое знамя пророка решили поднять, Башкирский халифат основать. Никто вроде бы и не спорит, но все равно что-то обсуждают и в воздух палат. Патронов потому что много, – сообщил Равиль.

Равиль, молодой паренек, трудившийся пожарным в местном МЧС, уже как минимум сутки охранял блокпост на трассе у сворота в Большеустьикинское. Бдил с четырьмя товарищами. Ждали смены караула. Товарищи спали в машинах – они отважно дежурили ночью и слегка грусть развеяли, да немного притомились. Им взгрустнулось, потому что уже второй день никто по трассе не приезжал. Равиль рассказал, что еще неделю назад из Уфы и Казани люди ехали, в основном, местные. А также уроженцы Красноуфимска, Артей и Нижних Серег. Немного, но ехали. Ужасов зато много нарасказывали...

– Всю неделю – а пост устроили дней десять назад – наши, устьикинские, в село фуры с трассы загоняли, так на посту веселее было. Тянули все, что с продуктами, да всякие добрые вещи. А сейчас, когда все улицы фургонами с тягачами заставлены, да на стадионе еще сотня наливных цистерн с горючкой, немного успокоились и начали думать, как дальше жить. Вот и думают, – кивнул Равиль в сторону Большеустьикинского, где опять затрещали выстрелы. – Понравилось всем, что каждый, кто не совсем уж безрукий, при оружии, вот и митингуют. Вы бы, ребята, к нам не заезжали, потом уж в гости приезжайте, когда власть поделят и успокоятся. А то всякое может быть, вдруг какой шайтан попутает, – посоветовал Равиль.

– Хочется на людей посмотреть и о жизни вспомнить, – сказал Андрей. – Мы ж только что тебя увидели, первого. Жизнь почуяли. Дружья у тебя дрыхнут, перебравши, а ты нас гонишь...

– Да не гоню я вас, а советую – вот чуток проедете и сворачивайте вправо, там санаторий «Карагай», все указатели на месте. А рулит в санатории моя тетка Флора, вы ее сразу узнаете. Она очень гостеприимная и обрадуется. Я, вот сразу, как сменюсь с поста, туда же приеду. Она приказала приезжать – их там четверо на весь санаторий, отдыхающих всех похоронили, и она боится. А я единственный неженатый в нашем роду, потому должен тетушке помочь. А уж накормит она вас! С утра по рации рассказывает, как беляши жарит да что на второе затеяла, заманивает. Посидим спокойно и поговорим. Вы про Москву расскажете, а я – то, что у нас творится, – заверил Равиль.

Пожали парню руки, попросили не задерживаться и поехали в санаторий. Не заплутали: указатели не соврали, привели напрямик в башкирскую здравницу.

Тетя Флора была великолепна – ее и тетей-то было грешно называть: звонкая грудь, чуток раскосые азиатские глаза и роскошная белая грива, пусть и завязанная на затылке в узел, но ниспадающая сочным водопадом на затянутую джинсами задницу, перетекающую в длинные стройные ноги. Этакая тетя Флора, вся из себя и навывае. Встретила на въезде в санаторий. Качнула тугой грудью, дерзко трянула абсолютно арийской шевелюриной, повела легонько той самой невероятной великолепной задницей и спросила, смущенно, но аппетитно улыбаясь:

– От Равиля? Он мне по рации сообщил, что гостей отправил, и не простых, а московских. Так что добро пожаловать, гости дорогие, и обед готов – азу сегодня, свеженькое мясо, вчера кобылку закололи. Давайте уж сразу свой караван тяните к столовой, покушаете с дороги да побеседуем. Только страсти мне не рассказывайте – и без того запугана, ночами в спальне свет

включаю... А тетей Флорой меня не называйте – я вам не тетя, это я Равилию тетя, а он сын моего братика старшего. А братик нам всем в деды годится. Так-то меня просто Флора зовут – отличное старинное татарское имя.

Андрею с Федором пришлось в восторге аж онеметь от столь красоты невероятной. Превратились тотчас в галатных кавалеров, распахнули вдвоем перед Флорой дверцу авто, усадили красавицу и поехали, куда краса невероятная пальцем показывала.

– А кобылку-то зачем закололи? – крайне нетактично спросил Федор эту красоту неопи-суюмую. – Не пожалели животинку...

– Абый наш расстарался, – сказала Флора. – Когда в селе сходняк устроили, халифат зате-яли да придумали в воздух палить, кобылка наша молодая через ограду, испугавшись выстре-лов, прыгнула неудачно да ногу серьезно поломала. Кость торчит, кровь льется... Абый решил, что ветеринаров не дождешься, кобылку не спасти, ну и прирезал. Да и опасался дед – у нас еще пара жеребчиков была, прикупили недавно, и как эта зараза началась, они и померли. Ну, дед и подумал, что и кобылка погибнет, оттого и прирезал. Жалко, славная была. Но кто ж Абыю перечить будет? И пошла наша кобылка на беляши. Не все курицу с тушенкой лопать.

А столовая в санатории была аппетитной, манкой, как и потрясающая тетя Флора, допол-няла и подчеркивала дамскую феерию: очень уж изысканно гармонировали шотландско-цве-тастенькие скатерти на столах с водопадом сногшибательного волнующего белокурия. Да к тому же тетя Флора оказалась ловкой и удалой хозяйшкой – мигом, но без услужливо-истош-ной суеты, обстоятельно стол накрыла, гостей усадила и приосанилась. Живой и мирный sweet home. Чесночный аромат азу бодрил, простенький салат из капусты разухабисто морковкой подмигивал, а пузатенький кувшинчик с алым морсом призывно-живописно оттенял рифле-ный графинчик с водочкой. Феерично гранилось в этом сосуде все окружающее, и как-то очень уж уютно-искрометно отражалась незатейливая пищевая обыденность с вилками-лож-ками-ножами с прочими перечницами-солонками да салфетками именно в этом самом гра-финчике. Напоминал изгибы Флоры этот графинчик. К нему и потянулся Федор. Домашности хотелось!

– Давайте-давайте, не смотрите на меня, как будто я вся такая вербально-тактильная, я просто получаю удовольствие от общения, – прихохатывая и чуть ли не пританцовывая всем телом, проговорила Флора. – Кушайте-закусывайте, жуйте и самовыражайтесь, не ждите, когда я вам наливать начну, нечего ждать милости от природы. Эх, парни, как мы гостям-то нынче рады!

И беляши, румяные да жаром еще пышущие, порадовали, и азу случилось на славу – остренько и терпко, вкусно до безумия, и водочка на душу уютно легла, а Флора уже и гудя-щий самовар на стол водрузила, принесла с веранды. Федор, было, помочь ей попытался, но та махнула рукой – успокойся – и плавно с полуведерным самоваром прошествовала к столу эта-кой игривой павой. И не было ж в ней никакого похотливого секса, которым от прокаченных ботоксом особ за версту волокет, зато струился и облачно окутывал ее этакий чудесный флирт. Именно флирт – понятие не модное и напрочь забытое. Антикварное понятие.

– И глаз с меня не сводите, наверное, озадачились – откуда взялась такая блондинистая башкирочка? – стрельнув зеленоватыми глазами, спросила Флора. – А все от моей бабушки, ее дед с Казани привез, татарочкой она была, да татарочкой родовитой, оттого и белобрысенькой. Не все татары жгучие брюнеты. Вот в нее я и удалась, как белая ворона в нашей семье. У меня шесть братьев, я младшенькая, и все братья души во мне не чаяли, да горой за меня поднима-лись, если кто на меня косо глянет, или покажется им, что обидеть меня пытаются. До того меня пасли и охраняли, что замуж только в Сургуте удалось выйти. Да и то на свадьбе мужу моему братья морду набили – решили жизни поучить. Может, и поделом – не задалась у меня жизнь замужняя, да и муж потом на трассе погиб, в аварию попал. Вот такое я сокровище!

Андрей с Федором наперебой рассыпались в комплиментах и благодарностях. И, похоже, вот именно этой легкой словесной чепухи красавице Флоре как раз и не хватало. Заметно было, что купалась карагайская гурия в фонтане легкого мужского красноречия. Да и парни заметно расслабились, даже как-то полегчало слегка на душе, комфортной нежностью взбрызнуло. Пошел оттяг с откатом.

И тут взвизгнули яростно тормозящие колеса – на площадку перед кафе-столовой въехали сразу четыре авто: «гелентваген» и три «лексуса», черные и блестящие. Раскрылись дверцы и из машин выгрузилась приезжая публика, обвешенная оружием и слишком уж напоминающая каких-то братков из 90-х. Двенадцать человек в кожаных тужурках, с «калашами»-укоротами на плечах и в массивных забугорных берцах. Поводили плечами, слегка размялись после поездки и с хрустом направились в столовую. Дверь пинком открыли и сразу же:

– Есть что пожрать? Мечи на столы водку-закуску! Ваша крыша приехала!

По-хозяйски сдвинули три стола, сгрудили вокруг них стулья и расселись.

– Ну, чего там телишься, лахудра белобрысая?! – взвизгнул лысый вертлявый персонаж. – Я тебя еще с лета помню, когда откинулся да с корешем сюда побухать заехали, а ты перед нами какие-то растопырки устроила, охрану вызывала. Сейчас мы здесь хозяева и перед нами на коленях ползать будешь!

– Клиент всегда прав, – сказала Флора и направилась в сторону кухни. Андрей с Федором переглянулись.

– А ведь мы с тобой ружьишки в машине оставили, успокоились на радостях, что живых людей увидели, – пробормотал Андрей.

– Ну, кое-то с собой все же есть, – ответил Федор и снял очки, начал протирать их толстые линзы салфеткой.

– А это что за парочка петушков-ботаников, – заверещал вертлявый. – А не ваша ли там техника с шикарной лодочкой стоит. Была ваша – будет наша. И сдуйте отсюда быстро – здесь сегодня правильные пацаны гулять будут!

Вертлявый в каком-то коверканном полуприсесте, жеманясь и кобенясь, подвалил к столу, где Андрей с Федором сидели, схватил кувшинчик с морсом и вылил его на голову Федора.

– Пошли вон отсюда, очкарики! Или белобрысой телке помогите жратву по-бырому нам на стол накидать. Глядишь, целее будете.

– Ржавый, ты лучше глянь, чего эта сучка там на кухне делает, слишком уж она копается там долго, – сказал крепко сбитый лысый мужик, явно верховодивший всей этой нагрянувшей в столовую оравой.

– Мля, да она по рации с кем-то базарит, – взвизгнул вертлявый и кинулся в сторону кухни, прихватив со столика столовый нож.

– Ну вот, нажила себе сучка проблем, стукануть кому-то решила, – ухмыляясь, оценил ситуацию лысый. – Ну, так отдерем ее сейчас всем хором, а потом в расход. Все умерли, так что уже не убудет-не прибавится.

– Это точно, – сказал Федор и в руке его по-стальному оскалился «глок». Выстрелы шарахнули практически непрерывной очередью. На лбу лысого появилось смачное кровавое пятно, точно такие же дыреватые отверстия образовались на лбах и затылках окружающей лысого публики. Из раскрытых пулями голов потекли мозги. Блевотно пахло плотью, кровью и порохом.

– Эй, братаны, вы чего спешите, я бы сам этих ботаников вальнул, – послышался из кухни бодрый визг вертлявого. Затем он появился сам, держа в руке намотанную на кулак белокурую гриву Флоры. И остолбенел, глядя на одиннадцать трупов с развороченными головами, мирно сидевших за столом, усыпанным кровавыми мозговыми извилинами. Столбенел он недолго – грохнул выстрел и на виске вертлявого появилась дыра величиной со спичечный коробок.

– Флора, ты как? – крикнул Федор, ища на ощупь на столе свои очки.

– В говне я по колена, – отозвалась Флора. – Помоги лучше от этого вонючего козла избавиться!

Вертлявый оказался мервецом донельзя шустрым – перед погибелью своей успел не только обмочиться, но еще и обосраться. Вонью от него несло. Флора, освободив волосы из его скрюченного кулака, морщась от андреналинового шока, сказала:

– Я рацию искала, засунула ее в шкаф... Потом сообщила Равилю, что наехали блатары с Красноуфимска и понты гнут. Он уже едет сюда с подмогой. А этот залетел, схватил за волосы и потащил. Я, конечно, упиралась... Он здесь месяца три назад был, отдыхающих было мало, он с каким-то уродом снял номер, нажрались в хлам и устроили натуральный концерт с истерикой. Этот ко мне приставал, верещал, что пять лет отсидел да только что отчалился и баба ему позарез нужна. Я послушала да и двинула ему коленом по яйцам. Потом еще ребята с охраны его крепко попинали да и вежливо с территории попросили. Вот он, говнюк, и вернулся. Как и обещал.

– Намусорили вы тут! – оглядела столовую Флора. – Но все равно спасибо. За помощь и защиту спасибо! Огромное женское спасибо!

Глава 12

Нет худа без добра

Башкирия. Мечетлинский район, село Больше-Устикинское, Санаторий «Карагай»

Октябрь, 2020 г.

– И вот почти неделю уже всем кагалом обсуждаем – какой у нас должен быть халифат, – продолжил Равиль. – Курултай собрали, старики молодежь слушают, молодежь высказывается. Порешили, что должны придерживаться народных обычаев да родную землю защищать. Собрались, значит, для того, чтобы утвердить очевидное. А споры идут насчет тонкостей и нюансов. На самом деле, я считаю, народу просто общение требуется и какой-то праздник – жуть случившая у всех души повыворачивала.

Равиль с десятком молодых примчался минут через пятнадцать после того, как случилась стрельба. Пять разномастных машин да «Газель» с пулеметом в кузове развернули боевой порядок на площадке перед столовой «Карагая», оцетинились стволами, а затем ворвались на место побоища.

– Кто их так? – спросили бойцы чуть ли не хором.

– Да вот, Федя постарался, – сообщила им Флора. – Говорила ж я вам – нельзя меня без охраны оставлять, а вы «Курултай, курултай!». Не будь здесь Федя, плохо бы дело закончилось...

И быстро рассказала о ситуации, перемежая русский язык с башкирским. Добавила лишь: – Это ж такие твари, которым чуть дай слабину, так и раком тут же поставят...

Пошарились по карманам убитых. Набор у каждого оказался стандартным: пистолеты, китайские ножи, сигареты, зажигалки и документы – паспорта или справка о недавнем освобождении. Тела трупов специально осматривать не удосужились, но татуировки и без досмотра вполне наглядно синели на каждом мертвеце. В паспортах прописка – Красноуфимск.

Посоветовавшись, парни с Большеустьикинска порешили, что раз уж в поселке создается халифат, то нужно оперативно сообщить, что красноуфимские «синие» претендуют на халифатскую территорию. Но трупы везти на курултай не следует, покойников и без того насмотрелись достаточно, а проще вывезти их в дальний овраг. А на въезде в санаторий обязательно нужно поставить караул. И немедленно. Выделили трех бойцов и «Газель» с пулеметом. Менять караул надумали вместе со сменой поста на свороте в поселок. Проверили связь, придумали позывной и посчитали, что инцидент исчерпан.

– А трофеи вам нужны? – поинтересовались у Андрея с Федором.

– Ну, оружия у нас самих достаточно, но только вот нет кое у кого привычки с собой его носить, а прочее... – Федор пожал плечами и плеснул водки в стопку, а Андрей решил осмотреть технику налетчиков. Во всех «лексусах», кроме «гелентвагена», ощутимо пахло мертвачиной. Видимо, красноуфимские «синие» особой привередливостью не отличались, выбирали автомобили пороскошней, вытряхивая из них тела бывших владельцев. Андрей поковырялся в бардачках, напрочь забитых купюрами и золотыми вещами, порылся в багажниках, набитых водкой и коробками с шоколадом, но себе прибрал лишь пяток раций, обнаруженных при поверхностном обыске. И решил, что этого из обнаруженного трофейного имущества вполне достаточно.

– Вот и ладно, отгоним эти тачки в село, жмуриков – под откос, а нам еще курултаю все это докладывать, потом еще опять курултаить да курултаить, – заявили большеустьикинские «спецназовцы», – Если что – мы на связи!

Ворча, что «опять покойников таскать», вытащили из столовой дюжину трупов, закинули в багажники, вытряхнув оттуда ящики с водкой-закуской, и уехали, оставив в санатории

охрану и Равиля, пожелавшего погостить у тети Флоры и пообщаться с лихими московскими ребятами.

– Вот такой у нас колхоз, – усмехнулся Равиль, – цивилизный, но очень воинственный. Половина этих орлов даже в армии не служила, зато все отлично знают, как лучше надо воевать. Еще и других учат.

Тут появилась тетя Флора с ведром и огромной шваброй и строго прошипела: – Вы тут нагадили, а убирать-то мне. Ткнула пальцем в мозги с кровью, размазанные по плитке пола столовой. Федор попытался было ей помочь как автор всего этого безобразия, но Флора сообщила ему, что пусть он в России полы моет, а здесь Башкирия. И путать не стоит. Потому что халифат!

Чтоб не гневить блистательную Флору, обустроились на веранде, где Равиль и начал рассказывать насчет особенностей построения халифата. Особенности-то никаких и не было, но главное – независимость. От кого и зачем – пока не понятно, но потом время покажет. Равиль в прениях по постройке халифата не участвовал, потому что эти разговоры ему за день наскучили, пару деньков погостил в санатории у тети Флоры, которая, как оказалось, еще с юности была слишком уж ущербной башкиркой и вообще изначально плохонькой мусульманкой, поскольку паранджу носить не желала, и второй женой ни у кого быть не хотела, только первой и единственной. Потому Абый ее и отправил в санаторий, подальше от курултаевских ораторов. И тут дружок сагитировал в карауле на посту подежурить. Вот и подежурил, чуть любимую тетку не прокараулил. Хорошо, что Андрей с Федором вовремя в санатории оказались. А затем Равиль в лоб спросил Федора:

– А как же ты стрелять-то так лихо научился?

В этот момент как раз и Флора появилась на веранде. Пригласила в столовую – «все чистенько, сейчас и закусочку поставлю, да и тебе, Равиль, поплотнее покушать бы надо, а то за Федором с его рюмками через каждые пять минут, не угонишься. Да и курите там спокойно, и я с вами посижу-послушаю». Перебрались в столовую.

Федор плеснул в рюмки водки, не дожидаясь, пока сотрапезники поднимут свои емкости, опрокинул дозу в глотку, порылся вилкой в мисочке с солеными груздями, закусил и закурил. Выпустил струю дыма и начал рассказывать:

– Еще в дороге хотелось тебе, Андрюха, про жизнь свою живописать. Но как-то настроения не было, да и не мудрено – без того событий хватало, было что обсудить и осмыслить. Впрочем, и говорить то про некоторые особенности моей жизни особенно не хотелось. Ну, в общем, так – я, короче, лет двадцать в первопрестольной киллером работал. Убийцей. Стрелял бандюганов и хапуг зажавшихся. Тех, кого мне заказывали. Убивал и не попадался. Потому что меня никто и не искал. Не было меня, был я этаким призраком.

– Федя, с твоим-то зрением – какой ты стрелок? Хотя результат налицо, вернее – недавно вот на этом полу красовался, – перебил его Андрей.

– Насчет зрения, кстати, – продолжил Федор. – Заметил, что у меня зрение резко улучшается. Еще в Казани это дело началось, я там в «Оптике» очков себе набрал в разных оправках, у меня ж линзы- «восьмерки» были, с детства близорукостью страдал. К докторам обращался не раз – неизлечимо, отвечали. Но уже в Казани почувал, что зрение меняется. Набрал в Казани оправ с линзами послабее: «семерочки» и еще в Уфе прибахлился, взял даже «пятерочки». Очень уж оправа приглянулась, фасонистая такая. И пригodiлось: сейчас вот та самая «пятерочка» на мне, хотя даже не предполагал, что линзы пригодятся. Не знаю что и как, но зрение радикально меняется в лучшую сторону. Прозреваю, в общем. А моя стрельба, как ни странно, началась как раз из-за моего хренового зрения. Нет худа без добра.

В начале девяностых жил я в заводской общаге. Там многие жили – и «лимита» постсоветская, и всякая наезжая публика. Весело жили и дружно. Со мной в комнатухе жил парень, армянин, и погоняло у него было Арнольд. Ну, а как еще армянина обозвать? Потому,

наверное, что телосложением был далеко не Шварцнеггер. Худенький был, шустрый, верткий, но носатый. И когда армяне с азербайджанцами Карабах устроили, земляки подкинули ему идею оружие добывать. И не просто мысль такую подарили, а денег дали и всякие нужные связи. Диаспора ихняя подусуежилась. И стал Арнольд оружейным дилером. А мы с ним всячески дружили – водку пили, и прочее.

Автоматы-пистолеты добывал Арнольд у всяческих прапорщиков, которые за доллары родиной торговали, ну и оружием тоже. Оружие отправлял поездом, через своих проводников. А диаспора с ним рассчитывалась. Поэтому у нас в комнатухе всегда две-три здоровенных горнолыжных сумки под кроватями торчали, набитые «калашами». И как-то земляки Арнольду претензию выставили – дескать, оружие непроверенное посылаешь, нехороший ты парень. По такому случаю мы с Арнольдом водкой закинулись и порешили все свежкупленное непременно проверять.

Наутро запихали десяток автоматов с пистолетами в сумки, сели в электричку, уехали к черту на рога в чисто поле и Арнольд начал там в мишени палить. А я сидел и водку пил, чтоб скучно мне не было. Арнольду надоело лупить в белый свет как в копеечку, подсел он ко мне на расстеленную коммунистическую газетку, выпил-закусил и предложил тоже пальнуть. Ну, я ему, конечно, напомнил, что мне мишень сначала нащупать надо, а потом в нее стволом ткнуть. Вот тогда спуск нажму и уж точно попаду. И поскольку нам к тому времени от водочки захорошело, то так мы и решили сделать. Чтобы уж пострелять так пострелять.

Вытащил Арнольд из-под задницы своей газетку «Правда», отошел метров пятнадцать, палку воткнул, на нее газетенку присобачил. «Видишь?», – меня спрашивает. «Вижу, но хреново». – отвечаю. «Вот хреново и стреляй», – говорит Арнольд. Сам сразу же от газетенки отбежал – не дурак, понимал, что я и в него попасть могу. А у меня в голове что-то щелкнуло: стрелять нужно на шелест бумаги. Послушал я шелест, выстрелил. Арнольд аж от радости завопил – точно в глаз какому-то партийному персонажу, в газетке пропечатанному, попал. «Давай, – говорит, – Еще!». Отбежал от мишени, я опять выстрелил и в лоб тому печатному персонажу попал.

Арнольду забава понравилась, мы с ним еще водки приняли, решили столь удачную стрельбу продолжить. Арнольд новую газетенку, которую уже у меня из-под задницы вытащил, на палку прихреначил и метров на полста отошел, свежую мишень установил. Отскочил от мишени подальше и кричит, дескать, чтоб стрелял. Я вслушался повнимательнее, выстрелил и опять попал.

И вот с той поездки начались у нас с Арнольдом регулярные выезды со стрельбами. А у меня в голове что-то щелкнуло к тому времени и начал я каким-то чутьем мишень чувствовать: и на слух, и чуть ли не на запах, даже до сих пор объяснить не могу. Просто в голове включалась эта мишень и я в нее попадал. Точно попадал. Ну, точность, конечно, еще и от оружия зависела. Из «тэтехи» легко научился в консервную банку, даже в доньшко, если Арнольд доньшком ставил, в самый ее центр попадать. И навскидку, не целясь. Чего мне было целиться, если ни мушки на стволе, ни мишени все равно не видел. Линзы в очках толще указательного пальца. Но попадал уверенно. Называл это стрельбой по наитию. Вместо зрения – нюх и интуиция. И удача от Бога.

Года полтора ездили мы с Арнольдом на стрельбы во всякие удаленные гребеня на электричках. Стволы проверяли, а я руку набивал. Хорошо набил. Но потом у Арнольда бизнес рухнул – диаспора поставки оружия масштабно отладила и без услуг Арнольда начала обходиться. Но он не печалился, еще с каким-то барахлом начал шустрить, что-то по компьютерной части. Но пяток стволов у нас остались, патронов хватало, и на пикники со стрельбами мы частенько выезжали. Выпить на природе водочки да по бутылкам пострелять – отличный отдых.

Но как-то прихожу с работы в комнату, гляжу – Арнольд, весь поникший, водку дует без закуски. – Чего печальный?, – спрашиваю. А он и рассказывает, что сестру двоюродную с мужем и детьми какой-то изверг азербайджанский, сколотивший в Москве банду, убил, ночью всю семью вырезал. Отморозок конченный, пытал и насиловал, а потом горло всем перерезал. Ну, я ему и говорю: – А давай завалим палача? Арнольд идею поддержал.

И завалили этого уроды. Просто завалили, фактически без всякой подготовки: Арнольд узнал, где этот азербайджанец обычно гуляет, показал мне его, и когда ночью эта дрянь из своей сраной тошниловки-забегаловки вышла на крыльцо, я ему в темноте кромешной метров с тридцати пулю в лоб вцепил. Из кустов стрелял. Ждать, конечно, долго пришлось. Под дождем. Но дождался. И никаких романтических угрызений совести нихера не испытывал.

Арнольд за месть эту хорошо проставился, неделю пили, поминали его родичей. А потом, через некоторое время, спросил меня: – Пострелять опять не хочешь? Убрать кое-кого надо, и люди хорошо заплатить готовы. Я подумал да и согласился. Потому что никакой жалости к этим зажавшимся на слезах человеческих извращенным уродам никогда не испытывал. Собаке собачья смерть, хотя собаки – животные благородные. В отличие от множества подонков.

И как-то дело наладилось: опять цель подвернулась, торгаш какой-то с рынка вел себя не по-людски, еще раз стрельнул, и стрельнул удачно. А потом уж Арнольд заказы постоянно таскал – снова торгаши, разномастные бандиты да банкиры. А я постоянно на электричках катался да на лесных полянах тренировался. Чтобы этих уродов надежнее валить. И никаких претензий ко мне никогда ни от кого не было. Никто нами не интересовался. Или Арнольд такие цели подбирал, что всем было по хрен на то, что их убрали, то ли ни меня, ни Арнольда подозревать никому в голову не приходило. Заказы к Арнольду приходили через десятки рук, опять же через диаспору, так же замысловато поступали и деньги, в расчетах никто никогда не обманывал, все было очень просто и одновременно очень запутанно. Концы в воду, как говорится.

Жили мы с Арнольдом все в той же комнате в общежитии, девиц в гости приглашали да водочку попивали. А денежки у нас водились, потому что труды наши богато оплачивались. Но ни квартиры скупать, ни тачки навороченные менять как перчатки, ни прочими гламурными понтами обзаводиться мы как-то не стремились. Тем более я, к примеру, никогда в жизни за руль не садился, потому что зрение не позволяло. Жили скромно, но дерзко и дружно.

В начале XXI века вместо бандитов в заказах стали появляться чиновники, но для меня они от бандитов мало чем отличались – разве что рожи самодовольней да жопы потолще, вот и вся разница. Так вот лет этак двадцать я выходил на улицы и постреливал, горя не знал и ни о чем не жалел. А потом годков десять назад Арнольда пригласили переехать на родину, в Армению, какой-то пост ему в каком-то природоохранном министерстве дали. Тот и согласился, потому что к тому времени природу очень полюбил, особенно если на этой природе водку пить да по консервным банкам стрелять. Арнольд, как и я, одинокий был – вся его семья погибла в Спитаке во время землетрясения. Оттого его на историческую родину особенно никогда и не тянуло. Долго он размышлял, со мной разговоры вел, и, в конце-концов, решил предложение принять. А наш расстрельный бизнес все равно пришлось к тому времени сворачивать: бывшие заказчики своих конкурентов и прочих всяких неугодных убивали к тому времени уже интригами. Стрельба не требовалась, свои своих же поедом и безжалостно ели. Потому что людоеды и сволочи. Вот такая она, судьба моя киллерская....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.